

Игра Реальностей.

Игра и
Кайд
2

Вероника Мелан

Город

Вероника Мелан

**Игра Реальностей.
Эра и Кайд. Книга 2**

«Автор»

2020

Мелан В.

Игра Реальностей. Эра и Кайд. Книга 2 / В. Мелан — «Автор»,
2020 — (Город)

Однажды она обратилась к нему за помощью. И Кайд Дварт, способный на многое, практически на все – открывать Порталы в чужие миры, запускать вспять ход времени и возвращать из царства теней, – впервые осознает, что не всемогущ. Что любовь – это взаимное движение навстречу и доверие без предварительных слов и обещаний. Сумеет ли Эра Алгория произнести клятву, от которой дрогнут струны Вселенной, согласится ли шагнуть в пропасть без крыльев? Потому что лишь ее безоговорочная вера позволит ему раз и навсегда доказать – они две половины одного целого, новый мир и единое на двоих яркое солнце.

© Мелан В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вероника Мелан

Игра Реальностей. Эра и Кайд. Книга 2

Корректор текста: Элеонора Кошелькова.

В скобках перед началом частей указаны названия песен или мелодий, под которые эти отрывки создавались. Для меломанов #

*** * ***

Глава 1

Мир Уровней. Нордейл.

Эра.

(Marcus Warner – In the End)

Меня зовут Эра. Мне двадцать. Я уроженка мира Литайя, и мои родители очень далеко. Изменять судьбы людей для поддержания гармонии мира – моя профессия, мой дар и мое умение. Я та, кто меняет ткань бытия, и потому – Мена.

Я обычная. И совсем нет. У таких, как я, нет настоящего возраста, привязок к материальному и свойственных большинству людей душевных потребностей. Я не стремлюсь нравиться, достигать и добиваться – я уже все умею. От любого эмоционального багажа я избавляюсь, чтобы постоянно быть открытой для одного – для любви.

Год назад я оказалась в Мире Уровней случайно – погибла в родном мире, очнувшись в незнакомом городе и незнакомом теле. Когда-то я хотела одного: отмотать время назад, отыскать дорогу домой, изменить жизнь – на этот раз не чужую, свою. Но многое поменялось. Я полагала, что однажды уйду без сожалений, но я привыкла быть здесь. Полюбила Уровни, полюбила Нордейл. И его – человека, оказавшегося моей судьбой, – Кайда Дварта. Сложную личность, менталиста, игрока высшего звена, мужчину, которого мне однажды придется со своего полотна жизни стереть. Так сложились карты.

Чего я ожидала, впервые оказавшись на Уровнях? Наверное, беды. Того, что, разузнав про мой «талант», меня вновь, как это случилось в прошлом, станут преследовать местные власти, однако отказать в помощи людям не сумела. Не захотела. Открыла специализированное агентство, рискнула вновь (пусть и в чужом теле) быть той, кем являюсь – Меной.

А вот чего я точно не ожидала, попав на Уровни, так это того, что встречу здесь свою истинную пару (и разругаюсь с ней), обрету настоящих друзей и получу «за выслугу» перед властями этот дом.

(Hilary Duff – Breathe In. Breathe Out.)

Дом.

Два этажа и много натурального дерева. Снаружи лесной коттедж, позади сосновый бор, внутри воздух, белые ковры и куча пространства. А еще на втором – панорамное окно, как мечталось, каминная зона с двумя креслами перед решеткой и огромный балкон, глядящий на сосны. Да, всего лишь на парк, не на настоящий необъятный лес, но ощущение единения с природой потрясающее. Две спальни, санузел с сауной, небольшая библиотека, кабинет, шикарные гостиные.

Едва ли человек мог стать счастливее, чем я в этом доме. Когда Бернарда, впервые навестившая меня в Комиссионном госпитале (где меня почему-то продержали не сутки, а двое), принесла альбом с фотографиями и предложила выбрать себе новое жилье, я не поверила. А после не смогла оторвать от этого домика взгляд – влюбилась. Потому что он был отражением меня – свободный и уютный, самобытный и удивительно привлекательный. Сказочная дача в лесу, хотя до одного из центральных проспектов всего две улицы.

«Это новый район! Очень зеленый», – смеялась Дина. И виделось, что ей он тоже нравится.

Именно Бернарда бок о бок со мной все последние пять дней помогала обжить и обустроить комнаты, заполнить шкафы, наполнить сияющей утварью кухню. Помогала выбирать новые покрывала в спальню, шторы на окна и коврики для прихожей. А также новую одежду

для меня. То, что когда-то подходило Айрини, не подходило для Эры – моя грудь и бедра объемнее.

С тех пор, как я полыхнула праведными эмоциями и едва не спалила себя целиком, прошло семь дней. Обиды ушли, успокоились – держать их внутри не имело смысла. Зачем фильтр «горечи», который будет окрашивать все, на что я впоследствии буду смотреть? Верно, незачем. Пусть со мной обошлись жестко и несправедливо, однако на чем фокусироваться дальше, выбирать только мне. На разочаровании? Или на счастье от нового дома?

Я выбрала второе.

Когда с первого этажа донеслись звуки – звякнул колокольчик над дверью, послышались голоса, шорох подошв и шум скользящего по полу габаритного предмета, – я как раз стояла возле панорамного окна, смотрела на то, как мой чудесный балкон заметает снег. Вечером выйду – подмету пол. Козырек, решила, устанавливать не буду – хотелось неба.

– Эй, хозяйка! Ты дома?

Голос Эльконто я бы узнала из тысячи – всегда веселый, зычный, заводной. Это все Бернарда – похоже, она подговорила отряд прикупить к моему новоселью подарок. А может, они так решили сами. Как раз принесли его, а заодно втаскивали в прихожую какой-то «удивительный узкоспециальный» холодильник, необычные свойства которого Дина обещала объяснить мне позже. На фразу о том, что один у меня уже есть, она только хитро и довольно улыбалась – мол, все узнаешь.

«Последняя разработка Комиссии!» – убеждала многозначительно.

Как тут поспоришь?

– Хозяйка! – уже настойчивее. – Принимай технику! Куда ставить?

Парней, судя по всему, было четверо. И ни один из них еще не видел меня в новом теле. Ох, сейчас будет смешно!

По лестнице я спускалась, неспособная стереть с лица улыбку.

– Мадам, здравствуйте! – Дэйн поздоровался первым. И разглядывал меня, в отличие от остальных – более вежливых Халка, Мака и Стивена, – с откровенным любопытством. – А вы кто? Экономка?

И посмотрел на Дину – мол, где таких симпатичных берут? «Женат» или нет, а снайпер навсегда останется шутником – это его вторая родная шкура. Шутником и клоуном в стиле прожженного ловеласа. И ведь мало кто поверит, что своей второй половине он верен до гробовой доски.

– А, понял, вы – кухарка! Или уборщица? – взгляд на мой белоснежный наряд из облегającego платья средней длины. – Не, не уборщица... Дому... хранительница?

– Ребята, знакомьтесь, – вступила с улыбкой Бернарда, – это наша Айрини. Да, та самая Айрини Донатти, с которой вы уже знакомы. Только... в родном теле.

– В родном...

Эльконто отвесил челюсть. Подвис рыжий доктор, с интересом взирал на меня сенсор, один лишь Мак остался непроницаем – ему словно все равно, лишь бы не объект, которого нужно «деактивировать». Хотя, если присмотреться, в глазах зеленовато-болотного цвета тоже проглядывало удивление. Совсем чуть-чуть.

– В смысле в родном?! – не унимался снайпер. – Вот так просто? Уснула брюнеткой, а проснулась уже блондинкой? Ничего себе «талант». Я, может, тоже так хочу!

Судя по мимолетной ухмылке стоящих за спиной Дэйна друзей, кому-то очень скоро предстоит проснуться брюнетом – как говорится, «пожелал – получи!»

– Уже... удалось сменить? – тактично поинтересовался доктор.

– Удалось.

Знали бы они, какой ценой. Но эмоционально тренированные ребята на то и профи, чтобы любой шок преодолевать быстро.

– Получается, наша помощь в этом деле больше не требуется?

Эльконто как будто даже обиделся. Мол, столько драмы разводили, а другое тело уже вот оно. Ни проблем, ни интриги, ни накала, ни драйва. Все самое интересное прошло мимо.

Я же только теперь увидела, что в подарок, помимо холодильника, мне приехала огромная плазма! Ух ты! Глядеть мне теперь по вечерам сериалы, если захочется, на огромном и ярком экране.

– Вот это да-а-а! Спасибо!

– Давайте, ребята, – скомандовала Ди, – расставим все по местам.

Я чувствовала себя классно. Наконец дома во всех смыслах – в месте, в котором мне хорошо, и в теле, в котором мне отлично. На меня косились, меня рассматривали, меня изучали – все это параллельно распаковке картона, разрезанию полиэтиленовой пленки, установке и настройке нового оборудования. Мной восхищались – я чувствовала. Оказывается, никто не ожидал, что на смену неуклюжей и неказистой парикмахерше явится на свет, как бабочка из кокона, эффектная статная блондинка, у которой «все на месте». Никому просто не верилось, что можно так просто взять и сменить тело. Да уж, необычная «практика».

Когда новый холодильник мирно зажуужал на кухне, а телевизор занял законное место в гостиной на широкой тумбе, меня окружили «мужья на час» из отряда спецназначения. Забавно, но я до сих пор не могла привыкнуть к их мощным фигурам и внушительным аурам. Мол, все закончили, пора уходить. Не успела я предложить гостям лимонад, как любопытство снайпера взметнулось на новый уровень.

– Айрини! То есть Эра... Помнишь, ты мне обещала махнуть телами?

Обещала? Кажется, тогда я сказала «может быть»... А взгляд светлых глаз направлен прямо на мою грудь – как можно?! Ох, мужчины, они и в космосе мужчины. Если у Айрини щупать толком было нечего, то у меня... кхм... Отсюда и понятное утроенное любопытство.

– Я... говорила «когда-нибудь».

– Оно и наступило! Отличный день для тест-драйва, а?

Блин!

Я совершенно определенно собиралась ответить: «Давай в другой раз!» – когда вдруг ощутила, что любопытство на тему «обмена телами» исходит еще и от доктора. И от Халка?.. Чейзер тоже с интересом наострил уши? И пытается спрятать восторг Дина...

Ну, тогда я попала... Как им отказать?

И собственно, зачем отказывать?

Я картинно нахмурила брови.

– Только на одну минуту, ясно?

– На одну! Согласен!

Белобрысый гигант разве что язык от предвкушения не высунул и ладошки не потер – мол, давай уже начинать!

– Садись в кресло.

Я указала на одно. Сама опустилась в другое.

– А это больно? Страшно? Меня потом мутить не будет?

Вот тебе и тренированный мужик... А ведет себя, как на приеме у проктолога-практиканта.

– Глаза закрой. Расслабься.

– А как я пойму...

– Не болтать! Поймешь.

Смена тела – процесс сложный для того, кто в нем ничего не понимает. Меня же учили с детства. Обмен телами с другими Менами мы устраивали каждую неделю – мне не поясняли многого, в том числе того, для чего подобная тренировка нужна, говорили размыто: «Однажды пригодится». Понятное дело, сегодня не то самое «однажды», но баловство – вещь веселая и ненаказуемая. За прошедшие несколько лет я ежедневно «подвигала» людей в их собственных головах, сегодня же требовалось сделать двойную смену «центра управления». Полновесный обмен телесными энергиями не требовался (нам же не на год), требовалось всего лишь временное переключение «пультов». Я возьму доступ над шкурой Эльконто, ему дам доступ к себе, оставаясь при этом ведущей. Пусть балуется.

Мой «партнер» пыхтел, силясь расслабиться, в соседнем кресле; я постепенно выскальзывала разумом в «междомирье» – так я называла границу между плотным миром и его тонкой версией. Нашупала Дэйна в виде сгустка сознания, указала ему путь к себе. Убедилась, что сигнал распознан, сама заняла место во временно опустевшей голове, принялась «вживляться». Глубже, глубже, еще... Расслабиться, распуститься, словно корневая система в почве, взять под контроль нервную систему, мышцы, дыхание – слиться.

Спустя мгновение я ощутила поразительное: я – грудa мышц. Большая-большая грудa, с объемом легких выше среднего, с проколотым ухом и разлапистыми ладонями. Я возвышаюсь в этом кресле, как настоящий гигант; на моих ногах плотные джинсы, шею не щекочут волосы, если не считать косички... Я – Эльконто.

Распахнула глаза, вдохнула резко – смена тел с женского на мужское ошарашила даже меня. Раньше я менялась только с женщинами – невысокими и субтильными. А тут руки, как бревна, тут пресс – живой панцирь из пластин, тут задница – настолько тугая, будто ее обладатель ежедневно приседает с грузовиком наперевес.

– Божечки...

И мой новый голос, как нижний раструб органа.

– Я – баба! – взвизгнули сбоку.

Мой партнер уже вскочил из кресла и теперь стоял, прижав руки к груди. К моей, между прочим, груди! Стоял, растопырив ноги, как конькобежец (ах да, он же привык к объемным мышцам!), глазел в собственное декольте и не мог налюбоваться.

– Сиськи!

– Эй, руки убрал! – пробасила я зычно. – А то сейчас открою окно, высуну туда твой причиндал и буду крутить им, как вентилятором!

– Большой получится... вентилятор, – расхохотался Лагерфельд.

Бернарда рассматривала нас с полнейшим восторгом, прижав пальцы ко рту; даже у Мака взлетели брови.

– Ребзя, у меня сиськи! – Дэйн руки от груди убрал, но вырезом все еще любовался. К этому добавились попытки походить, подвигаться, понаклоняться. – Как тебя ветром не сдувает, такую тощую?

Вообще-то я не тощая. Но, если ежеминутно носишь на себе такой мышечный корсет, как у снайпера, нормальное тело после этого кажется почти невесомым. И хрупким. Я тоже поднялась с кресла. Ого, вот это рост! Кажется, я теперь гораздо ближе к потолку... И Чейзеру в глаза могу смотреть, не задирая голову. А главное, какая плавность, какая натренированность. А еще огромная куча информации в голове по тематике ведения боя во всевозможных условиях.

Голову налево, теперь направо, шаг вперед... Я такая сильная, такая... грозная! Удивительно, но, оказывается, совсем неплохо быть мужиком – вот это открытие дня! И так много всего в трусах...

– Моя талия, мои бедра, моя попа, пирожок...

Чертов Дэйн уже облапал меня даже «там» – через платье и трусы. Не успела я разбушиться, как он заявил всем с высшей степенью удивления:

- В трусах ничего! – а рукой цоп-цоп по промежности. И это при всех!
- Эй, мы так не договаривались! Сейчас я всем на обозрение вывалю твой шланг!
- Ладно, не ругайся, убрал...

И он, ничуть не смущаясь, принялся ходить по комнате, приговаривая:

- Ножки такие... тонкие... И еще эти волосы...

Спасибо, Создатель, что во время обмена я была не на каблуках – сейчас этот вдохновленный исследователь переломал бы мне конечности. А за его выкрутасами – попытками нагнуться, повертеться и пощупать себя за талию – наблюдали трое друзей. И их замороженные лица однозначно стоило снимать на камеру. Если бы нашлось, кому. Бернарда же приблизилась ко мне и теперь заговорщицки заглядывала в глаза – мол, ну как тебе?

– Гора... мышц... – прошептала я басом. – Я гора из мышц. Огромный такой мужик, елки-палки... Как он двигается вообще, такой тяжелый?

Я потрогала свои громадные руки, ощупала крепкий живот, похлопала по бедрам и вдруг – честно, я не специально (наверное, у меня тоже сработало потаенное любопытство) – положила руку на ширинку. Сжала. И выпучилась на Дину так смущенно, как будто я только что наделала кучу перед главным крыльцом Реактора.

- Ба-лышой! – прошептала одними губами.

– Ну как, заценила? – раздался женский смех сзади. – А я говорил, что тебе понравится «держаться».

Вот черт! Теперь все смотрели на меня – скукожившуюся (если подобное вообще можно проделать при двухметровом росте), смущенную и с ладонью, лежащей на паху. Лицо моего нового тела, вероятно, пошло пятнами, потому что Стивен теперь хохотал в голос, Халк утирал глаза, а Чейзер впервые на моей памяти широко улыбался. Да уж, вот это шоу! Всем шоу – шоу!

- Все, давай-ка обратно в кресло! – скомандовала я басом. – На сегодня хватит.

Покладистая «Эра» приблизилась к креслу, танцуя. Прежде чем опуститься, еще раз пощупала себя, где могла, после чего рухнула на мягкое сиденье предельно счастливая. Чувалось, сегодня Дэйн до вечера будет лучиться довольством.

- Нифига себе! Я побыл бабой.... Побыл! Бабой!

Вот же сбылась мечта человека.

Глаза мы закрыли синхронно. Пора обратно в «межмирье».

– Кто мы с тобой теперь? – снайпер, на этот раз настоящий, привычный, смотрел на меня, улыбаясь. – Друзья по крови?

Диалог шел уже в коридоре, гости собирались уходить.

- Друзья по петтингу, – подсказал Чейзер.

Смеялись все.

Лично я долго смущаться не собиралась – ну, пощупал меня мужчина... Не меня, а «себя» на тот момент – ему новый опыт и память на всю жизнь. Мне, между прочим, тоже.

– А вообще, спасибо тебе! – Мою небольшую ладошку пожала та самая теплая лапища. – Это было классно, не ожидал. С меня причитается, если что.

Никому не было этого заметно, но Дэйн говорил серьезно. Приходи, мол, если будет нужна помощь. Я кивнула. Помощь не нужна, но друг – это здорово!

- Вам спасибо, что с техникой помогли. И за телевизор.

– Я завтра уже объясню тебе про холодильник, ладно? – Дина натянула шапку вместе со всеми, сняла с вешалки куртку. – Лекция у меня через пятнадцать минут, уже не успеваю.

- Конечно.

Без проблем. Мой дом – самый уютный дом в мире – всегда открыт для гостей.

- Бывай!
- Пока!
- Увидимся!

Они вышли один за другим. А я осталась стоять в коридоре в смешанных чувствах – будто только что сходила в цирк. Будто только что участвовала в цирке. Весело, смешно, забавно и почему-то чуть-чуть стыдно.

Качая головой, я развернулась и пошла прочь от двери, размышляя – то ли заглянуть в старый холодильник, то ли попробовать разобраться с новым, узнать, в чем его уникальность? Нет, лучше завтра с Диной. А пока – обещанный себе полдник.

* * *

Бернарда.

Я видела этих ребят всякими – встревоженными, сконцентрированными, расслабленными, веселыми и хмурыми. Но никогда еще Дэйн на моей памяти не выглядел как ребенок, которому добрый волшебник осуществил заветную мечту. Эльконто улыбался и пузырился. Эльконто – мечтательно млел. И все в машине над ним подтрунивали.

– Слушай, ему бы еще времени, так он бы догола разделся и прыгал бы перед зеркалом, чтобы увидеть, как титьки прыгают, – не унимался Стивен. – Мял бы себя за соски и раздвигал ягодицы...

«Плохого вы обо мне мнения...» – загадочно зыркали в ответ с заднего сиденья.

– И еще дилдо прикупил бы в ближайшем секс-шопе, – качал головой Мак, – чтобы уж наверняка... прочувствовать.

– Чего «дилдо»? – взвился снайпер. – Тебя бы попросил!

– Ну, нет! Я не гей.

– А у меня бы «бирюлька» спереди и не болталась. Я был бы красивой девицей!

«Все равно Мамай бы на тебя лез», – смеялся Аллертон в ответ глазами.

Мы ехали на джипе Стива, потому что привезли на нем телевизор, и машину следовало отогнать обратно. Раскидай я всех по домам как телепортер, и лишилась бы одного из самых вкусных моментов своей жизни – «послевкусия» дружеской беседы.

– То есть, не стал бы пробовать с «дилдо»?

Мне тоже было это интересно. И рвался наружу неуместный смех.

– Все вам расскажи... Может, я бы книжки дамские почитал, посмотрел бы, как работает женская «чувственность». Тестировал бы свою новую эмоциональность!

– Ага, мочился бы стоя в качестве эксперимента!

– И пытался бы попасть в слив!

Ну все! Это тема для обсуждения на весь следующий месяц.

– Да ну вас!

Подначки – подначками, а Дэйн сиял надетой на макушку елки звездой. Глядишь, попросит однажды «повторить». Или придет к Эре с просьбой «махнуть» их с Ани телами, чтобы уже наверняка прочувствовать все нюансы бытия противоположным полом. Кто знает? А вообще, мы все только что стали свидетелями настоящего чуда – до сих пор я даже не предполагала, что подобное возможно. Нужно будет рассказать перед лекцией Дрейку.

– Дэйн, а с мужиком бы поцеловался?

– Белье бы носил белое или красное?

– Научился бы танцевать стриптиз?

Дэйн молчал, как гордое божество средиземноморского острова, мол, болтайте что угодно, меня это не касается.

Всю дорогу до Реактора я улыбалась.

* * *

Эра.

(Céline Dion – Lying Down)

Уборка в новом доме, забавы со сменой тел, приготовление пищи... во все это я ныряла с одной единственной целью – отвлечься. От смысла того смс послания, которое пришло еще в одиннадцать утра.

От него.

«Я зайду в семь вечера. С извинениями. Надеюсь, обойдемся без „пламени“. К.»

К – Кайд.

Дела закончились. Я убралась, приготовила ужин, выпила чай и теперь сидела перед потухшим камином. Время – шесть.

«Через час».

Для чего приходите? Зачем извиняться, если уже извинялся? С другой стороны, хочет сказать – пусть скажет, кто ему запретит? Кайду на запреты плевать. Я выслушаю, кивну, сообщу, что извинения приняты и отпущу с миром. Жаль только, что трепыхнется в груди сердце, заворочается и заноеет. Оно уже отдано человеку с синими глазами, а ум вынес иной вердикт – «нет». И позицию не сменит. Доверять мужчине, готовому в порыве негативных чувств тебя убить, я никогда не смогу. Круг. Ловушка. Я выберусь из нее, когда возьмусь за «стирание» Кайда из своей реальности. А я возьмусь. Чуть-чуть бы набраться сил.

Снаружи темно, снежно. В доме тихо; на душе грустно.

«Надеюсь, обойдемся без пламени...»

Обойдемся. Когда стремительно наслаиваются один на другой стрессы, любой человек может «пыхнуть», я – не исключение. Нет, я себе не враг, чтобы жечь себя еще раз, я найду способ разобраться со всем этим иначе, нужно только пережить визит.

– Привет.

К тому моменту, когда он вышел из портала в мою новую гостиную на втором этаже, я успела взять себя в руки. Стать уравновешенной, спокойной. Стабильной – так мне казалось.

– Здравствуй.

И оказывается, забыла, какой он... Но моментально вспомнила, стоило гостью заполнить собой все помещение – вдохнуть через себя мой новый интерьер, предметы в нем, поочередно стать коврами, паркетными досками, окнами, балконом. Кайд. Человек, подчиняющий пространство, овладевающий каждым сантиметром помещения дьявол. Рядом с ним все вдруг снова показалось зыбким – *как той ночью, когда в квартире Айрины исчезла крыша и расползлась по лоскутам реальность.*

О-о-о-ох. Его стоило увидеть, чтобы осознать очевидное – другой попросту не смог бы меня покорить. Только этот.

Но у меня родное тело и четкий набор убеждений относительно того, как пройдет наша встреча – по существу и коротко. Дышать им хотелось до бесконечности, но это как кокаиновый шок – не пройдет само, пока силой воли не «слезешь с дури».

– Говори.

Желанных гостей встречают кофе и чаем, нежеланных торопят перейти к сути.

А Кайд не торопился. Это вообще было его коронной фишкой – никуда не торопиться. Слишком он любил все ощущать, чувствовать, пропускать через себя. Он этим жил.

– Хороший дом.

Согласна. Хороший. И кажется, очень скоро он пропитается этой сладкой электризованной энергией, а мне ни к чему.

С нашей последней встречи прошла неделя. Как вечность. И будто все случилось вчера. Время рассыпалось, стоило нашим глазам встретиться. Нутро крутило канатами – этот мужчина, как и прежде, безотказно на него действовал.

– Обживаешься?

– Стараюсь.

«Это он меня выбросил в родной мир. А потом разодрал, чтобы найти ответы на вопросы».

Я полагала – буду об этом помнить, буду мысленно негодовать. Но стоило Дварту оказаться в шаговой доступности, как вдруг накатил анестезия. Захотелось все забыть, протереть память через сито, чтобы ушли темные детали, начать заново. Вот это поворот. Присутствие Кайда рядом наполнило гостиную новым ощущением – желанием доверять. Слепо и безраздельно, мягко и навсегда.

«Гипнотизер изменил правила игры. Молодец!»

Айрини бы уже спеклась. Я держалась.

Синие глаза улыбались сквозь толщу серьезности.

«Пора бы тебе уже начать».

И он начал.

– Я пришел, чтобы извиниться за свое поведение. Тогда... Я был непозволительно груб. Прости.

– Извинения приняты.

Ответила сразу, как намеревалась.

А меня все рассматривали. Изучали, мной дышали – медленно и осторожно. Я же все отчетливее вспоминала, почему так быстро провалилась в него – в этого человека – как в омут. Зря думала, что он для меня уже не опасен – он навсегда таковым останется. Беда любой женщине, на которую он решит воздействовать.

– Надеюсь, мы закончили?

Следовало прервать наш зрительный контакт. И вообще «контакт».

Ответ нарисовался прямо в воздухе ощущением, а не словами.

«Мы только начали».

Ну уж нет! Если кому-то придется расставлять все точки над «i», пусть это буду я.

– Давай на этом завершим.

Тишина. Спокойный взгляд, похожий на касание велюрового покрывала.

– Между нами ничего быть не может, – жесткие слова, но лучше рубить с плеча. – Я уже никогда не смогу тебе доверять.

Синева глаз сделалась ровной, непрозрачной.

– Я умею быть другим.

– Не горю желанием проверять. Между нами не будет ничего.

– Эра, – лучше бы я никогда не слышала этот вкрадчивый голос, действующий на подкорку, – между нами... будет... все.

Зря я думала, что меня сложно вывести из равновесия. Тиран навсегда останется тираном, даже если будет действовать нежно. Дварту хотелось большего, чего-то еще... Моего тела? Ах да, наверное, именно оно его теперь привлекает.

– Даже если ты его получишь, – отозвалась я напряженно, – даже если между нами случится секс, то это большее, на что ты можешь рассчитывать. Меня целиком ты не получишь в любом случае.

«И я найду способ, как с тобой разобраться!»

– Я тебе не враг.

Да, такой крышеносной энергией на физический контакт можно склонить даже меня, но от собственных планов я не откажусь. Я сотру Кайда до того, как все произойдет.

«Встретила же его на свою голову».

– Ты мне никто.

Прицельный пинок. Но пространство вокруг моего гостя даже не шелохнулось.

«А он очень стабилен сейчас». Не менее силен, похож на ядерную ракету, вокруг которой титановый корпус. Колотить по нему можно... с риском для здоровья.

Вот теперь ощущалось, что он все сказал, что хотел. Пришел, показал, что «все только начинается», дал понять, что отныне будет терпелив.

«Лишь бы не появлялся в поле моего зрения часто». Рядом с ним все-таки плохо, очень хочется позволить себе другое – доверие. А лучшее оружие то, что крошит тебя изнутри.

– Я пройду?

Пройдется по моему дому? Пожалуйста.

Собственно, ответ и не требовался. Человек, возникший из портала, уже прогуливался по комнате: осмотрел гостиную, отправился к ведущей вниз лестнице, спустился. Внимательно изучил нижний этаж (зачем?), открыл дверь в спальню, заглянул в ванную, затем, кажется, нашел, что искал. Зимний сад. Пустой еще, без цветов – их мы с Диной собирались купить на днях, как и плетеную мебель.

«Здесь!» – прочиталось на лице.

Что – здесь?

Вместо ответа Кайд повернулся ко мне – дрогнули краешки губ. И прочиталось в воздухе все то, что он хотел сказать, но не сказал: «Мы с тобой теперь связаны надолго и очень глубоко. Ты поймешь. Процесс будет медленным и постепенным, я приложу все усилия, чтобы он тебя не испугал, не ощущался болезненным. А результат...»

«Даже не думай».

И фраза вслух:

– Не торопись. Эра.

Опять расставил фишки на начальные клеточки игры. Спросил, будто, между прочим:

– Ты ведь знаешь, где я живу?

– Знаю.

– Заходи в гости.

Уже бегу, тапки теряю. Сяду в первый же автобус «Уровень Четырнадцать – Уровень Пятнадцать», если таковой когда-нибудь начнет курсировать из Нордейла. Конечно же, не начнет.

Дварт знал мои мысли наперед и потому улыбался. И крылось под этой улыбкой столько предстоящих событий, что мне делалось мутно.

«Придется мне передвинуть фишки с начала игры в ее конец. И очень быстро».

А он, не обращая внимания на мои внутренние возмущения, просто открыл у стены портал. Стабильный, как я поняла, «стационарный».

– Это путь ко мне, – пояснил. – Никого, кроме тебя, он не пропустит.

В его квартиру?

Нечестно. У меня есть не только непреклонный ум, но и мягкое сердце, которое теперь будет сюда все время тянуться. Понятное дело, тайно, очень ненавязчиво, как ребенок, который не просит «игрушку», а только мечтает о ней.

«Закрой его...» – хотелось попросить, но я промолчала. Незачем выказывать свою уязвимость.

«Я буду ждать».

Несносный мужик.

Пока я размышляла: «Он больше несносный или потрясающий в своей непробиваемости?» – как «мужик» ушел. В тот самый портал, который открыл. Не попрощался и более ничего не добавил. Просто оставил после себя коридор в Лоррейн.

Я вздохнула.

Стеклянный, пустой пока еще зимний сад, деревянный пол, прохладный воздух – без растений я не повышала температуру в помещении, не имело смысла.

И теперь портал.

Вот и повидались. Очень смешанные чувства – вновь раздрай и смесь удовольствия. Возмущение и печаль, радость и грусть, просто полновесный коктейль из «всего, что есть». Собственный план по «спасению утопающего» я помнила четко, беда, однако, заключалась в том, что мне нравилось с ним играть – с чертовым Кайдом. Он будил во мне такой вихрь чувств, который не будило ни что другое. Он водил меня по грани, он поил меня дурманящим абсентом, он тянул за собой везде, куда бы ни шел сам. Он хотел меня, и я, невзирая на заслон из логики, откликалась столь значимо, что сомневалась в способности разумно мыслить. Как стирать из жизни того, кого больше всего хочется в ней иметь? Как никогда не приходить к этой двери, ведущей на бульвар Аттика в белоснежном городе? Что вообще делать дальше?

Ответы придут... когда-нибудь...

А пока – запереть дверь в зимний сад, спрятать от нее ключ, подняться наверх и зажечь камин. Это мой новый дом, моя жизнь, моя судьба. И в ней все будет отлично!

Глава 2

(Paul Cardall – Gracie's Theme)

Утро нового дня я проводила в отличной компании – компании Бернарды.

– Смотри, нижний отсек, как у обычного холодильника – в нем низкая температура. А наверху вовсе не холодильная камера, как может показаться.

– А что?

– Космический агрегат!

И Дина – мягкая, домашняя и по-уютному взъерошенная – сделала комично-напуганное лицо, а после рассмеялась.

– Шутишь?

– Нет! В том-то и дело, смотри...

Мы стояли у «чуда технического производства» – нового серебристого холодильника, выше меня сантиметров на тридцать.

– В дверцу вмонтирован экран, на котором можно сначала выбрать название ресторана, откуда хочешь получить еду, затем просмотреть меню, нажать на картинку с блюдом. И – вуаля!

– Что «вуаля»?

– Это самое блюдо – с пылу, с жару – поступит прямо в отсек, где обычно располагается морозильная камера.

– Из ресторана?

– Да! Это и есть та самая «фишка» – в этот холодильник вделан «телепорт» для еды. Такой же теперь установлен в лучших ресторанах города. Не во всех еще, только в десяти, но этого хватит для того... той, у кого пока нет своего повара. Здорово?

Здорово? Да просто крышесносно! Горячая еда домой?

– Прямо здесь и появится?

Я открыла дверцу и заглянула внутрь серебристой «коробки».

– Да. Так мне сказали.

– А другие предметы отсюда обратно на кухню ресторана тоже можно запустить?

– Что, например? Свои грязные носки?

– Письмо со словами: «Спасибо, повар»?

– Нет, только их пустые тарелки. На все остальное «телепорт» не работает. А то множество всяких вещей люди начали бы перемещать бесконтрольно.

– У тебя такой же холодильник дома?

– У меня дома Клэр! – И смешинки в глазах, мол, она никогда не допустит, чтобы еда дома не готовилась на печи и в ней, а прилетала неизвестно откуда. – Она чувствует себя ужасно важной оттого, что готовит сама.

– Ничего себе... – Это я все еще про «агрегат», произведенный комиссией. – Вот это прогресс! Чай будешь?

Свою предыдущую кухню в квартире Айрини я никогда не любила, а эту, новую и просторную, обожала до восторга в кончиках пальцев. С деревянным паркетом, выпуклым альковом, высокими окнами и «островом» для расслабленного чаепития – овальным столом, окруженным двумя мягкими диванами. На них мы теперь и расположились.

– Я довольна. Теперь ты будешь сытой безо всякого повара. А потом наймешь, если захочешь.

Вот уж подарок так подарок!

– Спасибо. Может, опробуем новинку вместе?

В Бернарде боролось любопытство и чувство долга.

– Мне скоро идти, хочу провести в своем мире бабушку, давно у нее не была. А она всегда меня кормит, знаешь... как на убой.

Бабушки на то и бабушки, чтобы баловать. Я улыбалась.

– Значит, сейчас отправишься в свой мир?

– Ага.

Родные люди – это очень здорово. И чудесно, когда увидеть их можно в любой момент.

– Лекций с утра нет?

– Нет, у нас... с преподавателем... гибкий график.

Преподавателем. По довольному лицу видно было, что занимаются они с ним не только лекциями, но и практикой. Кстати, я ведь теперь в родном теле и тоже могла бы начать искать кого-нибудь не только... для души.

Всплыл перед глазами Кайд.

Э-э-э, нет. Хоть и притягательно.

– Кстати, угадай, кто ко мне вчера заходил?

Валил за окнами пушистый снег – особенность погоды в Нордейле. Только здесь я видела столь частые «невесомые» снегопады, когда ваты из облаков много, а сугробы на обочинах всегда одинаковой средней величины. Кажется, отделом синоптиков заведовал комиссионер-эстет.

– Кроме нас?

– Кроме вас. Кстати, как там Дэйн после вчерашнего?

– На седьмом небе от счастья. Он ведь «подержался». А если серьезно, то очень вдохновлен.

«Спасибо. Мы все порадовались».

Без проблем.

– Так кто заходил?

– Кайд.

– Кайд? Не может оставить в покое?

– Не может.

– Чего хотел?

– Извинялся.

Дина долго молчала. Смотрела хитро, довольно, проницательно.

– Дальновидный поступок для того, кто решил не оставлять в покое.

– Я тоже так подумала. Пришел, смастерил мне в зимнем саду стационарный Портал на пятнадцатый, ждет в гости.

Она смеялась так открыто и весело, как умеют только дети. Со слезами на глазах, с длинным выдохом в конце и утиранием ресниц.

– Молодец!

Похвалила не то с иронией, не то с искренним восхищением.

– А сама, что думаешь по его поводу?

Я вздохнула. Потому что тут уже не столько весело, сколько грустновато.

– Думаю стереть его из своей жизни.

– Каким образом?

Хорошо, когда есть с кем поговорить, хорошо, когда знаешь, что поймут.

– Как обычно стирают нежеланный элемент с полотна жизни? Тебе ли не знать?

– Ну... я не уверена.

– Представь, ты приходишь в магазин, и тебе постоянно попадается кассирша, которая грубит. Или неприятный бариста в кофейне, которую ты очень любишь. Как будешь изменять ситуацию?

– Отправлю этому «баристе» любовь? Попробую договориться с ним мысленно?

– Можно. Но сработает не наверняка.

– Тогда... Попытаюсь понять, что он, как «зеркало», мне отражает – какое неприятие себя, какие стрессы. Распутая клубок и тогда перестану реагировать на «возбудитель».

– Мысль верная, но это долгий путь. А вот про «перестану обращать внимание» – совершенно точно. Это как раз самая короткая дорога.

– Игнор?

– Точно. Нет внимания к проблеме – нет проблемы. Это закон. Все то, откуда ты убираешь луч внимания, деактивируется. Как если бы реальность состояла из крестиков и ноликов, и ты решила смотреть только на нолики.

– Крестики тогда исчезли бы?

– Да, лишились бы энергетической подпитки.

– Забавно. И ты решила игнорировать Кайда?

– Да. Не столько внешне, типа молчания, но заняться «не реагированием» на него внутренне.

«Не пукнешь от натуги?»

Теперь улыбалась от взгляда Бернарды я. И знала, откуда у такой реакции растут ноги – на Кайда сложно «не реагировать».

– Думаешь, сможешь?

– Попробую. И если закон работает для всего, почему бы ему не сработать в этом случае?

– Потому что ты этого не хочешь?

Ну, тут мне придется разобраться. Однако внимание буду переключать на простые и приятные вещи так часто, как смогу.

– Все равно, он – молодец. Теперь ты можешь просто погулять по Лоррейну.

– С выходом через его квартиру? Нет уж, спасибо.

И вообще, у меня другие планы: хочу уже открыть, как раньше, агентство, начать принимать клиентов, погрузиться в любимое дело. Вспомнить про удовольствия в своей жизни, такие как покупка игрушек и мишуры к Новому году, прогулка по отделу посуды – нужен кофейный сервис. Испробую вечером сауну. К двум часам сегодня привезут и установят рекламную стрелку с названием агентства у ворот, после я дам объявление в пару местных газет. В общем, дел много и все приятные.

Я уже хотела предложить Дине вторую чашку чая, когда она вдруг решилась. Хлопнула по столу ладошкой и заявила:

– Давай пробовать!

– Холодильник?

– Холодильник.

– Давай...

Чтобы покинуть диванный остров, нам понадобилось три секунды.

– Так, что здесь есть?

Мы внимательно читали меню ресторана «Планкиз».

– Блюда из мяса с гарниром и овощами, салаты, супы... Надо выбрать что-то, что готовится быстро, – говорила сама с собой вслух Дина, – и еще то, что Клэр обычно не готовит.

– Картошку?

– Точно, картошку фри! Тут она называется «по-фермерски». Решено!

И мы отправили космической станции свой первый в жизни заказ на две порции. Установились на экран, прочитали слова: «Принято. Время ожидания: 5 минут».

А спустя те самые пять минут с удивлением и восхищением созерцали стоящие на металлизированном поддоне внутри «телепорта» два пакетика с картофельными дольками. Солеными, горячими, пахнущими так вкусно, что выступила слюна.

- Какой запах!
- От волнения у меня даже голос охрип.
- Работает! – обрадовалась Дина.
- Пакетики им назад отправлять?
- Не нужно, это ведь не посуда.
- Слушай, а платить как? – насущный вопрос для того, кто собирается еду постоянно заказывать на дом.
- Никак.
- В смысле?
- Шеф-поварам этих ресторанов платит Комиссия. Из цены за холодильник.
- А какая там цена – тоже космическая?
- Я впервые задумалась о том, сколько же он стоил Бернарде – этот подарок?
- Какая разница? Не больше денег, которых у меня достаточно. К тому же, я всегда могу этих самых комиссионеров из лаборатории попросить напечатать еще. У меня для этого персональное разрешение.
- Заводные глаза, широченная улыбка, совершенно счастливый и беспечный вид.
- А ты хитрюга!
- А то! И уже очень хочу попробовать эту картошку. Доставай!

* * *

*Уровень 14. Реактор.
(Phoenix Music – Rising Champion)*

В кабинете полутьма; запущены множественные процессы сканирования – Дрейк rozpoznával их все одновременно.

Кайд сидел на специальном стуле. Прежде чем допустить его к полноценной работе, Начальник должен был убедиться, что «сбоев» не предвидится – слишком большая нагрузка и еще большая ответственность.

Приборы показывали, что сила Дварта возросла, а ведь она и так была запредельной. К тому же так и не ушел окончательно начатый два месяца назад процесс, висел на фоне как бы невзначай, продолжал набирать обороты – теперь в разы медленнее, но все же.

Дрейк неслышно вздохнул.

«Что за человек такой?» Все не как у людей. Собственно, «обычным» Дварт не был даже в родном мире – там он являлся одним из двенадцати Менторов, наделенных особенной властью «столпов», распределяющих энергетические потоки. Управлял единым банком памяти: блокировал ненужное, наделял яркостью важное, накладывал вето на чужую силу, контролировал доступ к Пране – их центральному ядру планеты. Очень странный мир со сложным устройством – Дрейк таких не видел ни до, ни после. Общий информационный поток для социума, один для всех потенциал, раздаваемый местной «инквизицией». Почти что бред, возведенный в ранг гениальности.

Кайда он забрал на Уровни раненым. Сговорились и нанесли удар свои же, боялись, что вскоре их «коллега» получит самую высокую должность – пост главного. Что ж, однажды Дварт вернется и наведет порядок – не скоро, когда завершит самосовершенствование на Уровнях. Насколько сильным он станет к тому возвращению и предполагать тщетно.

Сейчас важно другое – «пациент» стабилен, спокоен и собран. Можно отпускать «в свободный полет».

– Все в порядке. Тесты пройдены.

«Не в порядке». Но про затаившийся процесс набора многомерности Начальник умолчал – будет наблюдать.

– Выхожу на работу?

– Да.

Придется загрузить Кайда по полной, чтобы не слишком направлял внимание на Эру. При таких мощностях опасно.

«Надо же, случилось», – фыркал Дрейк мысленно.

Он всегда незаметно присматривал за личными взаимоотношениями сотрудников. Чтобы избежать сложных ситуаций, предупредить нежелательное развитие событий – вмешивался, правда, редко. К тому же Кайд и сам с женщинами был осторожен – для большинства слишком «фонил», а заниматься любовью при закрытых щитах все равно, что пытаться она-нировать в облачении космонавта поверх гидрокостюма. Дрейк об этом знал не понаслышке.

За всю свою жизнь на Уровнях Дварт лишь трижды допускал «перепих» – еще в те времена, когда надеялся, что кто-нибудь сможет его «принять». Чуть-чуть открылся лишь однажды с Викторией, которая наутро попыталась вскрыть себе вены – передышала любовником, заявила, что отныне они всегда должны быть вместе, получила отказ.

Викторию спасли; Кайд себя виноватым не чувствовал – собственно, он им и не был, – однако осадок остался. Далее на женщинах крест – много лет тишины.

И вот... Эра.

Занесла же издалека нелегкая.

Не зря занесла, если так случилось.

Только все равно придется временно «нейтрализовать» верхний отряд (попросить их принудительно отдохнуть), чтобы больше работы пало на одного.

– Я могу идти?

– Можешь.

«Ментор» из чужого мира поднялся со стула, размял плечи, втянул воздух.

Глядя на бегущие по синей радужке искры, Дрейк думал о том, что уже много лет собирал вот таких вот странных личностей под крышей родных Уровней. Для чего? Чтобы усложнить себе жизнь?

После мысленно махнул рукой – все рано или поздно разбираются с собой. Разберется и этот.

* * *

Земля. Ленинск.

Бернарда.

(Minxz – Orenda)

Я поймала бабушку на выходе у дверей – уже проворачивался, запирая квартиру, в замке ключ.

– О, Динушка? А я собралась уходить. Что же без предупреждения?

– Прости, ба, хотела сюрпризом. Просто выдался свободный час, вот и...

– Так вместе тогда сходим, да?

– Конечно, а куда?

– Ну, сначала в магазин, а то у них всегда чего-то не хватает...

– У кого?

Мы спустились по узким лестничным пролетам типичной «хрущевской» пятиэтажки: неторопливая и осторожная бабушка в пальто и старых сапогах – первой, я – бодрая и молодая, но вынужденная сдерживать темп ходьбы, – следом.

- У кого? У пенсионеров.
- Мы идем к кому-то из твоих друзей?
- К Лиде...
- Хм, «Лиде». Почему-то я никогда про нее не слышала.
- А она далеко живет?
- Таисия Захаровна с ответом замешкалась. Смутилась как будто.
- Увидишь.

В ближайшей «Пятерочке» мы купили три пачки чая, бюджетного печенья, пряников и немного диетических конфет; пакет несл я. Здесь царил та странная погода, когда не то снег, не то бурая грязь, местами похожая на перелопаченные подошвами дюны. А под ней лед.

- Температура скачет – то холод, то тепло, так и тает все бесконечно. Не поймешь.

Бабушка держалась за мой локоть. День пасмурный; минус четыре.

– А Лида... Мы с ней на заводе работали, дружили. Потом у нее сын служить ушел, да так и не вернулся. Квартиру отняли какие-то службы – не те бумаги сослепу подписала, вот и живет теперь в «Березках»...

«Березками» оказался дом престарелых – неприглядное двухэтажное здание, окруженное чахлой березовой рощей. Внутри хуже, чем снаружи: выкрашенные до середины зеленой краской стены, розовые в клеточку шторы на окнах. Старые советские тумбы у стены, выдавшие виды диваны. Комнаты на три-четыре человека походили на палаты; большинству за семьдесят – на лицах смесь безнадеги и печали.

– Мы ненадолго, – переживала за меня бабушка. Ей не хотелось вести меня сюда, но так уж случилось. Есть вещи, которые мы, скрываясь за своим позитивным мышлением, не хотим видеть никогда, но существовать они от этого не перестают. Что ж, если я сегодня здесь, значит, это зачем-то нужно. Хоть и невесело.

– Она сына ждет, никак успокоиться не может. Уже болеет вся, помирать пора, а верит, что объявится.

- Может и правда объявится?

– Да кто его знает – живой или погиб. Чего ж тогда ни весточки? А у ей больше никого нет. Вот и хожу раз в две-три недели, навещаю.

Мы, обутые в бахилы поверх уличной обуви, шли коридорами. И от вида немощи, смирения и плакатов на стенах «Старость в радость!» хотелось вытирать мокрые веки.

- Тая! Как я тебе рада!

При имени Лида почему-то всплывает в воображении лицо молодой розовощекой девчонки-комсомолки и красавицы, но нас встретила худая и сгорбленная старушка. С впалыми щеками, подслеповатыми глазами, в бордовой кофте, с пестрым подолом платья, в платке.

- Таюшка... А это кто, внучка твоя?

Слова звучали скомкано и съедено – «внуфька», «Таюфка»; постоянно тряслись старческие руки.

- Внучка, да. Дина.
- Красивая!

Я была уверена, что Лида меня почти не видит. Да ей и не требовалось. Ее радовало наличие гостей; лежала у юбки раскрытая книга.

- Ты читаешь, что ли? Достоевского?

Мы пододвинули стулья, уселись напротив.

- Да не читаю почти, глаза не видят. То ли очки испортились, то ли зрение совсем...

Они говорили. О погоде, о ноющих суставах, о лекарствах и ценах на них. Хвасталась мной бабушка – гордилась, что внучка переводчица, за границу часто ездит, много языков знает.

Сидели поодаль седые и лысоватые деды – смотрели телевизор; стояло у стены два продавленных инвалидных кресла.

Я созерцала собственные руки. Слышался звук раскладываемых на столе прямоугольников домино, кто-то кашлял; тянуло из кухонной зоны супом с кислой капустой. Действительно, много ли нужно, если проводишь здесь двадцать четыре часа своей жизни? Тогда и черствые пряники в радость, и люди «с улицы» словно давние и очень желанные знакомые. Они приносили вести с воли, со свободы, оттуда, где качает ветви деревьев ветер. Многие здесь «доживали» – чувствовалось по лицам.

В какой-то момент зазвучало:

– Вот Миша мой приедет и тоже заберет... Скоро уже, я знаю.

Бабушка погрустнела; прятали глаза остальные старики – никто не пытался разубеждать Лиду, что сын вернется. Но никто и не верил.

– Вот он... Мой Миша.

Мне вдруг протянули фото: на нем молодой еще парень – рослый, темноволосый, симпатичный. Лицо с правильными чертами, челка чуть вьется, глаза зеленоватые. Не красавец, но симпатичный.

Шевельнулось внутри неясное... Кого-то он мне отдаленно напомнил.

– Миша... приедет скоро. И я тоже буду дома...

Она жила этой мечтой – о встрече с сыном, о родных и теплых стенах, о заботливых руках. Кем-то сваренном супе – для нее, не для «всех», – о налитом чае. О том, что не упрекнул за разбитую чашку, о том, что вдруг снова не одна на свете.

Разговор опять уехал в сторону – его намеренно перевела бабушка. Принялась рассказывать о семенах помидоров, которые недавно нашла у знакомой, о том, что кусты вырастают такие высокие, что в теплицу не помещаются. О теплых валенках, которые купила недавно на рынке – но вот беда, слишком сыро пока для них...

А потом стариков звоном поварешки позвали обедать, зашевелилась в кресле Лида. Протянула руку, чтобы не забыть вложить в книгу любимое фото, я ей его протянула.

Протянула и... неожиданно поняла.

Миша напомнил мне Мака. Отдаленно. Конечно, Мак шире в плечах, грациознее, красивее, «породистее», что ли... И все же...

Странная мысль. Бессмысленная.

Березовую рощу мы покидали с пустыми пакетами под звук скрябающих по железным тарелкам многочисленных ложек. Почему-то в молчании.

* * *

Уровень четырнадцать. Нордейл.

Тремя часами позже.

Знакомое уютное кафе «Лемьер» после «Березок» казалось неоправданно роскошным и дорогим. Все чересчур, все мимо, если людям нужно там мало.

И сидел напротив Мак. Пил уже вторую чашку кофе, а я все никак не могла собраться с мыслями и начать разговор. За окном давно уже не Ленинск с его бурым снегом, а белоснежный чистый Нордейл, а в голове будто связавший два мира воедино платок бабы Лиды – зеленый, с золотой нитью. Один конец здесь, второй там.

– Ты за этим меня позвала?

У Чейзера выходной, но все же вторая чашка кофе в полной тишине непривычно даже для него.

– Для чего?

– Чтобы помолчать?

А я не могла понять, как сказать. Миша действительно на него походил. Чуть-чуть. В конце концов, на том фото он был моложе – мог со временем раздаться в плечах, возмужать. Ведь мог?

Наверное, это все дурацкий план.

– Послушай, – решила я заговорить наконец, – ты помнишь, что люди в моем мире стареют?

– Помню.

– Так вот, есть старики, у которых не остается родственников. Они тогда живут в домах престарелых, о них вынуждено заботиться государство. К ним никто не приходит и не приезжает, никто не навещает.

– И?

Здесь все было иным. Дрейк «домов престарелых» не создавал – он умудрился выстроить систему, где каждый пожилой гражданин мог получить медицинскую помощь в том объеме, которая бы позволила ему самостоятельно жить и обслуживать себя в собственной квартире. На Уровнях не хаяли «государство», не говорили о ценах на лекарства, потому что они никогда не росли. И не жаловались на детей, которые бросили родителей... Две разные планеты.

– В «Березках» живет баба Лида, которая не дождалась сына с войны. Она уже очень старая, болеет, но все равно его ждет.

Тишина в ответ. Каждые две минуты мололи за барной стойкой зерно; радовали глаз посетителей темно-зеленые выглаженные скатерти. Дорогое дерево, приглушенный свет – все изысканно, дорого, выдержанно.

И прямой настороженный взгляд Чейзера.

– Ее сына зовут Миша.

«При чем здесь я?»

Я бы тоже задала этот вопрос, если бы кто-то долго и мучительно пытался родить на свет «умную мысль».

– Он на тебя похож. Очень.

Почти никакой реакции, кроме одного – у Мака совсем чуть-чуть расширились от удивления зрачки. Наверное, я заметила лишь потому, что умела замедляться во времени, ловить мелкие детали, ничего не упускать.

– Она слепая и почти глухая. Она бы...

«...может, не заметила...»

Подмены.

Аллертон молчал так долго, что я всерьез подумала, что надо заказать третью чашку кофе. Я была уверена – он понял, уловил мысль.

И наверное, подумал, что это очень глупый план.

– Я дура, да? – спросила я честно, без обиняков. – Ей просто хочется уйти спокойной, испытать это ощущение напоследок, что он у нее снова есть.

«Что не брошена».

– Глупо, я знаю.

Мак продолжал молчать. А мне не оставалось ничего другого, кроме как мямлить. И оправдывалась я не перед ним, больше перед собой.

– Знаю, такой идиотизм могла выдумать только я. Нечестно. И неправильно. Просто сердце не на месте... Короче, давай забудем, – выдохнула, наконец. Стало еще печальнее и горше – я не могу помочь всем. Наверное, никто не может.

И отвернувшись, принялась наблюдать, как ловко и профессионально с ровным выражением лица работает бармен. Спокойный, почти отчужденный.

Сейчас закончится кофе, и мы разойдемся. Некоторые вещи просто приходится принимать такими, какие они есть. Лида будет жить там, мы здесь. Все останется, как было...

– Я схожу, – вдруг послышалось сбоку.

Он смотрел без осуждения. Может, без особенной радости, но и без упрека.

– Только с документами бы надо разобраться, если спросят.

И предупредил.

– И может ведь понять, что это «не я»...

«В смысле, не Миша».

– Но на «нет» и суда нет, – робко обрадовалась я. – Мы просто попробуем.

Чейзер – здоровый накачанный мужик под два метра – откинулся на стул и молча покачал головой.

Да-да, точно так бы сделал Дрейк, которому я вечно ношу то бездомных котов, то еще кого-нибудь на «починку».

Зато интерьер сразу сделался радостнее. И настроение тоже.

* * *

Эра.

Вечер.

(Taylor Swift – Beautiful Ghosts)

Наверное, всему виной елочные игрушки, за которыми я отправилась в торговый центр. Потому что, если бы не они, не свернула бы я случайно в отдел «Все для сада» и не накупила бы декоративных витых стоек под цветочные горшки. И еще кучу растений, одно подвесное кресло и мягкую банкетку.

Все это грузчики занесли в комнату «с порталом», не заметив куска колышущегося пространства у стены, а после я почти два часа расставляла по местам цветы, настраивала климат-контроль, заполняла резервуары для автоматического полива. И конечно, каждую секунду проводимого в этом помещении времени я всеми клетками собственного тела чувствовала ее – дверь к Кайду.

«Я в нее никогда не войду!» – клялась себе и все больше расстраивалась. Когда стемнело, вдруг обнаружила, что сижу на той самой новой банкетке с бокалом белого вина в руке и смотрю на Портал.

Теперь я, как старуха, у которой «не сложилось», буду приходить сюда каждый вечер? Проклинать невидимого собеседника, ворчать на судьбу, жаловаться на жизнь, рассказывать, как прошел день?

«Что за бред?»

Чем пьянее, тем забавнее. Грусть вообще никогда не держалась во мне особенно долго – для нее в моей голове существовало слишком мало нейронных соединений (и растить новые не хотелось), – сейчас и подавно обиделась, что я не желаю в ней тонуть.

Собственно, а что я теряю? Могу ведь и войти разок... без особенной причины и цели. Узнаю, куда именно она ведет – в помещение или на улицу? Если внутрь, попрошусь осмотреться, иначе никогда в жизни не узнаю, как выглядит квартира, занимающая целый этаж.

Не люблю жалеть о «несделанном».

Но для храбрости допью это вино и налью еще...

* * *

Кайд. Лоррейн.

Кайд почувствовал ее сразу – ощутил «шерстью». Затрепетал ноздрями, задышал глубже, остался стоять там, где стоял – у стола на кухне. Эра его не видела. Обычная девушка для других – максимально необычная для него. Мягкая, грациозная, чуть растерянная и... не совсем трезвая.

Он улыбнулся краешками губ.

Все пространство с ее появлением задвигалось для него, ожило, сделалось текучим, как река. У него внутри словно отщелкивались дужки многочисленных замков и увеличивался объем легких.

Изящные лодыжки, домашние туфли, подол платья у середины икры, каскад светлых волос по спине – она смотрела на стоящие на подоконнике розы. Те самые.

Обе цвели.

* * *

Эра.

«Значит, все-таки, в квартиру...»

Я так и вошла в нее – с бокалом в руке. Уже после подумала о том, что было бы, очутись я на улице... Пришлось бы срочно пробираться в голову Бернарде, просить о помощи, греться в первой попавшейся забегаловке.

Не пришлось. Тоннель соединял наши жилища напрямую.

«Зачем я здесь?»

Для того, чтобы позволить себе быть смелой и любопытной, вместо того, чтобы сидеть и жалеть.

Я ощутила его за спиной сразу после того, как заметила на подоконнике две цветущие розы.

Он ничего не говорил. Стоял и смотрел. Красивый, статный, смотрящийся как король даже на обычной кухне. И я вдруг увидела его теми же глазами, какими увидела в самый первый раз – спокойного, невыразимо сильного, поразительного в своей цельности.

– Я... без цели.

Кайд молчал. Щиты закрыты – ничего не прочитать, не понять. А словами он не разбрасывался изначально.

– Мои розы? Не выкинул?

Ответ очевиден. Только мелькнуло в глазах странное выражение – «наши».

Ну да, цветут-то они в его доме.

– Я осмотрюсь?

Нельзя бродить по чужой квартире без разрешения, даже если очень хочется.

– Осмотрись.

Не прощу себе, если хоть однажды не увижу эту квартиру целиком. Сюда я попала тогда, когда меня «достали» из сознания Кайда, чтобы поместить для допроса на стул, отсюда вытолкнули назад, после – в родной мир. Уже знаковое по всем параметрам место.

– Квартира на целый этаж?

– На половину. В доме два подъезда.

Вон оно как.

– Только не ходи за мной...

Чтобы не топтать дорогой паркет и ковры каблуками, я разулась. Двинулась босой.

За спиной едва слышно выдохнули.

В спальне широкая кровать – покрывало чуть сбито в сторону, на нем не так давно лежали. Множество книг на стеллажах, несколько предметов искусства – бессмысленных, но приятных глазу гнутых ваз и статуэток. Лишнего мало; одежда свернута аккуратно. Стены коридора обиты тканью, далее еще одна гостиная... Бесконечно много пространства. Комнаты, комнаты, комнаты – санузел, спальни, библиотека; выход на террасу с обратной стороны дома...

Я могла бы здесь жить. Ночевать вместе с ним, наверное. Если бы все пошло иначе... Пить по утрам кофе, приходить сюда без страха, знать, что нужна.

«Что мы пара...»

Но он заявил прямо – «я не твой».

А я зачем-то здесь. Зачем?

Окончательно поняла «зачем» я только теперь – я хотела увидеть его, прежде чем «стирать». Если самый любимый образ на свете мне дальше придется тщательно игнорировать, то почему бы не насладиться его созерцанием в последний раз?

Глупо. Но любовь и разум за руку идут не часто. Сегодня свой «кусочек» счастья выпросило сердце, завтра и насовсем его выпросит «логика».

А вино развязывает чувства.

И, как выяснилось позже, язык.

Потому что следующей фразой, которую я произнесла, глядя прямо Кайду в глаза, была: – Я собираюсь тебя стереть.

«Из своей реальности».

Тут же пожалела, что не могу пнуть себя, как герой мультика, за несдержанность. Куда проще работать, когда «объект» ни о чем не знает. Тем более «такой» объект.

С тем, кто стоял напротив меня, шутки были под запретом, включая «дразнилки», угрозы и любого рода игры. Он настолько отличался от обычных людей мышлением и поведением, что сапер на минном поле по сравнению со мной блаженно отдыхал.

Днем ранее Дварт дал понять, что быть «стертым» не желает, сейчас я будто бросала ему вызов.

«Зря сказала...»

Как будто для того и пришла, чтобы опять погладить против шерсти.

Но Кайд то ли не воспринял меня всерьез, то ли воспринял, но знал, что многократно сильнее и у меня ничего не выйдет.

Спросил спокойно:

– Я настолько тебя не устраиваю?

Насколько? Он меня устраивает по всем чертовым фронтам. Долгий взгляд в синие глаза, во время которого вспомнилось, как умело он меня гипнотизировал ощущением «нужности». Даже временно стал самым родным на свете человеком. Прошло время, думать об этом стало проще.

– И может, – вдруг предложил, – прежде чем принимать кардинальные решения, ты позволила бы себе сначала испытать все, что хотела?

– Все?

– Все.

– С тобой?

– Я для этого подхожу.

Более чем.

Это шутка?

– Интересно, что именно я могу с тобой испытать, кроме удушающего захвата за шею? – бокал в моей руке нетрезво качнулся. Мне хотелось дать ему по затылку за то, что красивые губы дернулись в едва заметной улыбке. И потому продолжила я жестче:

– Доверия уже точно нет. Твои прошлые действия к нему не расположили. А обычным ты быть не умеешь.

– Обычным – это каким?

– Таким, с которым можно выйти и погулять на улице, зайти в ресторан, поесть пасту...

– А ты попробуй.

Кайд – человек-бомба. С ним хотелось всего и почти ничто из этого невозможно. Рядом с ним накрывало иллюзиями несбыточного. Все эти обрывки фраз, двойной смысл, неуловимый флирт поверх лезвия ножа.

«Ты уже все сделал».

– Я тебя ненавижу.

Вдруг сказала я просто и честно, практически без эмоций. Спасибо вину.

– А я бы тебя сейчас поцеловал.

Он просто это сказал. Не шагнул навстречу, даже не качнулся – констатировал желание. А меня, и так нетрезвую, повело.

Я знала, он бы поцеловал так, что космос для меня схлопнулся бы.

– Ты непробиваемый, знаешь об этом? Беспринципный, законченный эгоист.

– Знаю.

– А с этой своей силой становишься...

– Вот с этой?

И меня сплющило. Тем самым захватом за шею, который ощущается так, будто тебя спутали со всех сторон, прижали к стене, взглянули в глаза очень близко.

О-о-о, Кайд, теперь я вспомнила его «как наяву», в каждой клетке своего тела. Инертный газ-змея, ощущение ладони на красной кнопке.

– С этой, да.

– Ты пришла сюда для того, чтобы ее почувствовать.

– Нет...

– Да. Она тебя изначально и привлекла.

Черт. Даже если он прав, я никогда в этом не признаюсь. Не когда тебя за шею держат невидимые пальцы.

– Ты с помощью нее все разрушаешь...

– С ее же помощью я могу защитить.

Мне показалось, что мне только что сделали предложение с тысячью смыслами.

Захват на горле мягко разжался – меня отпустили. Зачем я вообще, спрашивается, сюда пришла?

Чтобы меня после всю ночь плющило? Хотела вспомнить? Вспомнила...

– И после этого я должна есть с тобой пасту?

Обратно к portalу я прошествовала, едва не забыв на ковре туфли. Вернулась, подняла, с хозяйном квартиры не попрощалась.

Черт, второй раз точно не приду.

«Спокойной ночи».

* * *

(Hidden Citizens – The One to Survive)

Я проснулась в час ночи оттого, что он сидел у моей кровати – дежавю. Все повторялось с точностью до детали, только тогда по швам разъезжалась квартира Айрини, а теперь мой новый дом. Кайд фонил, как атомная станция.

Мы теперь «соседи»? Ходим друг к другу в гости, когда захотим? Новая мода...

И смешно бы, только страшно. Когда он становился таким, он переставал быть человеком.

– Не вставай, – приказал просто. Помолчал. – Раз ты захотела принимать важные решения, тебе нужно обладать достаточной информацией, согласна?

Его такого я боялась, но как-то странно боялась. Скорее, я ему такому покорялась, потому что противостоять невозможно. Понимала, что вреда не причинит, но никакого комфорта не чувствовала, до предела напрягалась.

– Просто послушай. Обычным человеком я не был никогда, я – один из двенадцати Мен-торов в своем мире. Самый сильный.

«Что это значит?»

– Объяснять бесполезно, дай свою руку.

Касаться его? Меня вырубят за минуту.

– Минуты не понадобится. Десять секунд.

В таком состоянии он читал любую часть пространства, как свою мысль.

Десять секунд... Хорошо...

– Хочу, чтобы ты поняла, кто я. Почувствовала.

Мамочки...

Руку я протянула. На мою ладонь легла чужая, очень теплая – и время моментально поменяло ход.

Совсем на короткий отрезок мы с ним стали едины – я и Кайд. Или же я просто увидела все его глазами, ощутила его шкурой. Кусок далекого прошлого, в котором я, как мощнейший компьютер, подключена к общему банку памяти всех жителей планеты. Я обрабатываю, я решаю, я распределяю – миллиарды решений в секунду, параллельные процессы, абсолютная ясность и невозмутимость сознания при такой силе. Я – некто планетарного масштаба, я шире любого пространства. Во мне миллиард сложных слоев и структур, я – набор из галактических соединений. И во мне такой контроль, который никому не под силу.

Боже...

А дальше квартира в Лоррейне в тот день, когда я сказала ему обидное. И обрывки лопнувшего процесса: ошметки черноты, формулы пузырящейся от температуры «ртути», микровзрывы протонов.

И вдруг стало ясно, каких усилий ему стоило удержать себя и пространство вокруг себя в нетронутom состоянии. Не меня даже... На меня он тогда почти не среагировал, я просто сработала лезвием для нити. То, что в момент коллапса клубилось вокруг, напоминало не то атомный взрыв, не то рождение черной дыры. И он держал. Держался.

Чудо, что я вообще осталась жива, что не оказалась случайно стертой во всех своих пере-рождениях. Я бы никогда не смогла сделать то, что сумел он – не «треснуть» этот мир по швам. И стало ясно – он не пытался намеренно «убить» меня (скорее, автоматически отсечь от «активатора»), он пытался не убить все живое на несколько километров вокруг.

Я не знала. Даже не подозревала, что именно в нем творится.

– Увидела?

Он оторвал свою ладонь тогда, когда мой ум опьянел от передозировки ощущений и информации. Моя ладонь была ледяная, с ореолом полыхающего пожара. Ей было очень холодно и жарко одновременно.

– Я никогда не буду окончательно стабилен. Чтобы ты понимала.

Понимала зачем?

Для чего он это все мне показал?

– Для того чтобы, когда будешь выбирать, на этот раз головой, ты понимала КОГО выбираешь.

И он поднялся с кресла. Вышел из спальни и отправился вниз по лестнице, домой, в портал – темный широкоплечий высокий силуэт. Внутри не человек вообще – теперь я знала.

А показал все это он мне лишь для того, чтобы я решила – могу ли довериться «Ментору»? Тому, кто может идеально контролировать процессы, а иногда может плеснуть наружу так, что снесет...

Я едва ли понимала, что думать. И как теперь спать. И еще сомневалась, что смогу нормально функционировать следующие сутки – в горле сладковатый запах Кайда, в клетках его отражение. И, кажется, что я все еще «распределяюсь» в далеком чужом мире, где персональных воспоминаний нет вообще, а разум – единая социальная сеть с триллионом запертых и открытых дверей.

И этот человек предложил мне есть с ним пасту?

(J2 feat. Keeley Bumford – Animal (Epic Trailer Version))

Пятнадцать минут спустя я все еще лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок и думала: он будет таким всегда. Всегда. Он, как лава, которую невозможно сразу удержать во всех направлениях, будет время от времени выплескиваться, изрыгаться, кипеть, даже изредка ошпаривать. Он будет таким всегда – именно это он и пришел показать.

Получается, что откинув меня тогда в родной мир, он меня почти спас. Или не почти. А я еще сетовала на то, что с моего тела «слазит кожа» после того, как сама же шагнула в квантовую печь. Можно было и не выйти.

А жесткое «дознание» после? Темперамент? Или остатки «черной дыры», наложенные на чувство долга от необходимости быстро и четко блюсти закон?

Ту часть я, к сожалению, увидеть не успела. Может быть, когда-нибудь. И Создатель свидетель, мне, вопреки здравому смыслу, нравилась и эта мощь, и этот темперамент. Как и фраза о том, что такая сила может не только разрушать, но и защищать. С женщиной, которую Кайд возьмется защищать, никогда ничего не случится.

Он продемонстрировал мне только часть – то, что умел раньше. А ведь чему-то в мире Уровней научила его Комиссия – боязно представить.

Мое сердце не боялось. Оно выбрало и знало: все уже хорошо.

Осталось только найти к этому «хорошо» дорогу наяву, а это будет непросто. Мне не нужны разрозненные части – «просто свидания», «флирт» или «просто защита». Или дружба. Или «просто секс».

Кайд мне нужен весь – до самой глубины его сложной души. До дна, на века. До такого его «люблю», которого ни одна моя защита выдержать не сможет.

А ведь сам он до сих пор не прояснил намерений. И бесполезно давить.

Ждать, танцевать с ним этот томный танец, в котором наши тела с каждым шагом все ближе.

«Хочу тебя поцеловать».

Он хотел не только целовать.

Я же хотела полного единения.

«Испробуй все, прежде чем принимать решение...»

Испробуй все...

Что именно?

Свидания? Очередное слияние энергий? Кайда на вкус?

Глубоко-глубоко внутри я боялась одного – того, что однажды приду к мысли о том, что не смогу без него жить.

«Я не твой мужчина».

Того, что он на финальном шаге позволит мне упасть в бездну.

Шагать в пропасть можно лишь на полном доверии.

А оно во мне не окрепло.

Глава 3

Бернарда. Нордейл.

(Sara Bareilles – If I Dare)

«Вахтер-Вертер» в серебристой форме, стоящий у контрольно-пропускного пункта Реактора, сообщил мне, что Дрейк находится в аудитории 6С2. Значит, шестой этаж.

Шагая по бесконечным коридорам мимо многочисленных закрытых дверей, я размышляла о том, когда же эти чудики додумаются начать украшать Реактор к Новому году? Когда женятся? Или раньше? И сильно ли мой любимый будет ругаться, если я самолично закажу сюда грузовик мишуры? В общем, об этом стоило подумать.

Дверь с нужной табличкой, как и другие, оказалась закрытой – середина паутинных ходов этажа номер шесть. За ней кто-то негромко говорил.

Я тактично постучала.

Сегодня Великий и Ужасный не ночевал дома, я от души надеялась, что и теперь не отвлекаю его от важных занятий.

– Я не вовремя? – спросила, когда мне открыл тот, кого я искала. – Могу подождать в коридоре...

– Проходи. Мы заканчиваем.

Дрейк, вопреки моим опасениям, пребывал в благодушном расположении духа – выглядел бодрым и энергичным... Может, занимался не чрезвычайными происшествиями, а всю ночь готовил волшебные сюрпризы горожанам, типа летящего вверх снега, как в прошлом году?

Я вошла.

Оказалось, что помимо него в кабинете за столом сидели четверо мужчин. Крупных, рослых, неуловимо знакомых. Точнее, знакомым был только один – Кардо... Макс Кардо? Не успела я сформулировать верную мысль, как Дрейк подтвердил за меня:

– Знакомься, это «верхний» отряд в полном составе.

У меня отчего-то глухо забилося сердце. Еще никогда до этого я с ними не встречалась – Кардо не в счет. Да и его я видела только один раз и мельком.

– Кайд Дварт, – жест рукой на самого правого человека с темно-русыми волосами. Ответный кивок красивого лица, на которое я, ввиду моментально сбрендившего от волнения сознания, старалась не смотреть.

– С Максом ты уже знакома. Далее Аид Санара...

Тот, кого только что представили, смотрел не на меня, а в окно. И поворачиваться, судя по всему, не собирался.

– Последний из присутствующих, – на выходку Санары Дрейк не обратил ровным счетом никакого внимания, наверное, таким «фрикам» было разрешено все, – Ллен Эйдан.

Сверкнула в ответ белоснежная улыбка на приятном и очень располагающем лице с усами и бородой.

– Очень приятно, – пробормотала я негромко.

– А это, – Дрейк положил свою руку на мой локоть собственническим жестом, – Бернарда. Моя женщина.

В этот момент на меня заинтересовано взглянули все, но я уже искала стул, силясь понять, зачем меня позвали сюда в момент совещания. Лучше бы в коридоре, честное слово.

Стул действительно нашелся у стены. Я не первый раз поражалась реакторным кабинетам – в них всегда находилось ровно столько мебели, сколько требовалось на данный момент.

Ни стулом больше, ни столом меньше. И никто их на моей памяти не вносил и не выносил – чудеса.

– Подождешь? Мы скоро закончим.

– Конечно.

Я расположилась за спиной кресла Дрейка – лицом к остальным. Прямо как в амфитеатре: мне видно их, им – меня.

– Итак, господа, – беседа, стоило Начальнику занять свое место, продолжилась с прерванного места, – ввиду того, что ситуация с дополнительным лучом изменилась, за ним стоит понаблюдать. Посмотреть, как много идет гамматричного излучения...

(Hidden Citizens – I Ran (So Far Away))

Они – точнее Дрейк – говорили о совершенно непонятных мне вещах: статистике неких химических элементов, их взаимодействии, нужности нейтрализации в случае повышения «квант-джи» огибающих, необходимости проверки их проникновения в «нижние» слои...

Для меня – полностью незнакомый язык. Все равно, что сидеть среди Мойгашей и слушать байки местных рыбаков.

Какое-то время я рассматривала собственные ногти, сегодня покрашенные светлым перламутровым лаком. Я так и не привыкла к ним длинным, еще с тех времен, когда работала в агентстве переводов и часто стучала по клавишам. Но мне нравились и такие.

Здесь, в компании тех, кто находился в кабинете, было сложно дышать. Я не могла этого никак объяснить – воздух есть, но в легкие словно попадает всего десять процентов. Душно, сложно – нет ни места, ни пространства, много чужой энергии.

Но вместе с тем интересно: *какой он – верхний отряд?* Может, один шанс на миллион вот так запросто увидеть их всех, сидящих за одним столом. Грех не воспользоваться, не рассмотреть.

И начала я с Кайда: лицо на удивление красивое, только очень жесткое; глаза необыкновенного синего оттенка; очень острый взгляд, прямой.

«Какой ты?»

И он, почувствовав, посмотрел в ответ.

Меня тут же припечатало к стулу на месте – внутрь просочился чужеродный газ. Автоматический ответ к чужому вниманию: «Не влезай, убьет!» Почти сразу парализовало волю – не полностью, но ровно настолько, чтобы ему хватило времени понять, что мое любопытство из разряда «просто так».

И он отвел взгляд.

Боже, всего секунда...

«Эра, как ты его... терпишь?» Это же просто сгусток агрессии, мужественности и неуправляемости. Дварт был не просто дерзким, он был абсолютно «себе на уме». Вселенная во вселенной; точило и камень. В глазах такая глубина – Космос и переходы между мирами. Очевидная мужественность совершенно не добавляла мягкости, скорее наоборот... Чтобы получить подобный концентрированный эликсир на Земле, пришлось бы выстроить в шеренгу парней двести-триста (если не пару тысяч), а после выдавить и спрессовать из них «суть».

Я слотнула. Полный «конец обеда». Теперь мне стало ясно на собственной шкуре, что это такое – *его внимание*. Особенно пристальное.

Лучше дальше... Кардо.

Нет, не лучше. Все то же ощущение зубов у загривка и чужого выжидания. Будто рядом стоит тот, кто хребет тебе ломает одной левой, хотя на вид почти обычный мужчина. Волосы темные, выются, глаза с зеленоватым оттенком, плечи широкие. Расслаблен, будто даже отвлечен...

Теперь я понимала, что именно их объединяло – выражение лица. Они все были «здесь»; все являлись настолько осознанными, что их луч внимания никогда не скакал хаотично и произвольно, только прицельно и направленно. А это высочайшее умение и жесткий контроль. Никто не размышлял о том, что будет сегодня на обед, о кем-то брошенных вчера словах, чужом мнении – они вообще не размышляли в прямом смысле без дела, они сосредоточенно и постоянно висели здесь и в тонком мире. Слушали Дрейка, анализировали.

Кардо в ответ на мое внимание улыбнулся почти незаметно – и словно тень сзади прошелестела. «Я здесь, я везде» – да-да, я помню, неприятное чувство. Спасибо, следующий...

А следующий выглядел... блаженным? Не в плохом смысле этого слова. Совершенно беспечное, даже безмятежное выражение лица, какое может быть только у Бога, который уже давно все создал, а теперь лишь наслаждается. Аид? Странное имя для мужчины с расслабленным взглядом в окно, светло-русыми волосами и мягчайшей улыбкой на губах. Так пьют наилюбимейший виски, с такой нежностью смотрят на самый последний в жизни снег – самый красивый, самый пушистый и невесомый. Так выглядят, когда уже везде успел, все познал и попробовал, давно завершил испытания и ушел на покой.

«Санара...»

Может, потому что я произнесла его фамилию мысленно, третий из отряда – тот самый, безмятежный на вид, – на меня посмотрел.

И это был самый страшный взгляд, который я когда-либо видела.

Нет, в нем не было смерти – в очень светлых, почти белых зрачках, мне отчетливо виделось «ничто». Первозданный свет, в котором еще ничего не успело родиться. И эта анестезирующая улыбка – «все хорошо, все уже хорошо...»

Впервые в жизни меня накрыла паника, и я едва удерживалась от того, чтобы броситься и прижаться к Дрейку.

Он будет мне сниться ночами, этот Аид. И его беспечность, когда уже не страшно; анальгин в ауре, свет ламп в операционной, растворяющийся в ушах звук аппарата, измеряющего пульс. «Все уже хорошо»... «Нож всажен, ранение получено, тебе пора к источнику – я провожу»... Вот что означал его взгляд.

– Нет...

Кажется, я даже произнесла это вслух, потому что Дрейк повернулся, посмотрел на меня внимательно, а после прочистил горло и вернулся к беседе.

Никогда больше не посмотрю в глаза этому Аиду. Упаси Господи, как говорится.

Но остался еще четвертый...

А вот он радовал глаза: вихрастый, бородатый, кудлатый. Удивительно теплый, большой и «родной» – Ллен Эйдан. В нем ничто не выдавало опасности, наоборот, казалось, он залетел сюда случайно. Откуда-нибудь с пасеки или леса, где собирал грибы. Эдакий накачанный «лесоруб» в клетчатой рубашке, с веселыми глазами и удивительно приятным голосом, который я пока слышала дважды – при ответах: «Ясно, шеф» и «Это должно сработать, будем следить».

Как этот самый Ллен Эйдан, от которого не исходило ровным счетом никакого фона, мог оказаться среди других? В этой самой клетчатой рубашке, плотных штанах с лямками и высоких сапогах. Это у него стиль такой?

В ответ на мое внимание Ллен лишь подмигнул – мол, все отлично, тоже рад с тобой познакомиться.

Я мотнула головой. «Этому» тут не место однозначно – не среди «волков».

«Волки» к тому моменту закончили совещание.

И лишь когда они покинули кабинет, я вдруг ощутила, что в первый раз за долгое время могу нормально и глубоко вдохнуть. Как водолаз, который вынырнул из глубины водоема, ей-богу.

* * *

– Зачем ты меня с ними познакомил?

– А тебе разве не интересно было?

Было. Но кто же знал, что они... такие.

– Этот Аид... Он мне ночами снится теперь будет!

– А, Санара... Он прирожденный Стиратель, каких мало. Способен перекроить твою историю так, будто ты вообще не рождалась на свет. Убрать любой пласт информации из пространства, заменить его другим, поменять в твоём рождении родственников или друзей, например...

Какой славный парень! И почему мне не хочется с ним «водиться»?

– Он – ужасный!

Я сделала то, о чем мечтала – обняла Дрейка. Прижалась к нему в поисках защиты, вспомнила бьющий в нос запах невидимого анальгетика и зарылась носом в серебристую форму.

– Все хорошо, – успокоили меня тихо, – я здесь, я никогда не дам тебя в обиду. Ты ведь помнишь, что я многократно сильнее их всех вместе взятых?

– Иногда сложно об этом помнить, когда от них так «фонит», а от тебя нет.

– Ты просто ко мне привыкла.

– Они – выпендрежники. А ты нет.

– Они не выпендрежники. Просто щиты – это непросто. И может, это плохо, что я не такой? Больше впечатления производил бы?

На меня не нужно было производить впечатление – не Дрейку точно.

Хорошо, что мы остались в кабинете одни. Мой мир быстро оттаивал в знакомых руках, отогревался. Меня держал тот, кто стер бы любого «за свою женщину» в порошок; расслаблялось сердце. А вместе с ним проснулось и любопытство.

– Слушай, а этот Ллен? Как он мог попасть сюда – в отряд? От него совсем ничего не исходит...

– Высокий уровень мастерства.

– И выглядит он, как...

– Как кто?

– Как... родственник из «Кукушкино». Как дровосек, что ли, не знаю.

– Он – Хамелеон. Он всегда выглядит для тебя так, каким ты меньше всего будешь его бояться, и потому подпустишь близко.

У меня отвисла челюсть.

– Значит, этот Ллен на самом деле выглядит не так?

– Для каждого по-разному. Его вид – иллюзия.

Непривычно стоять с ковшом для экскаватора вместо рта.

– А какой он на самом деле?

– Ну, может, увидишь когда-нибудь.

Дрейк улыбнулся. Кажется, он куда-то собирался, потому что даже не дал собраться с мыслями, спросил:

– А ты с какой целью к нам присоединилась?

Ну да, зачем пришла...

– Затем, чтобы спросить, могу ли я запросить в Лаборатории новые документы для Мака Аллертона на имя одного человека из моего мира.

– Ну, ты же моя леди. У тебя есть голова, чувство ответственности и ум – можешь делать все, что захочешь. Могла бы не спрашивать.

Блин. Зачем, спрашивается, отсидела чужое совещание. Зато эмоций нахваталась.

Серо-голубые глаза моего спутника смеялись.

– Смотрю, парни произвели на тебя впечатление.

Не то слово.

– Я почти ревную.

Пустые слова. Просто Дрейк научился шутить.

– Хочешь, я тоже стану таким?

– «Выпендрежником»?

– Разок.

– И как это будет выглядеть?

А так. Дрейк довольно комично и неожиданно топнул по полу ногой.

Топнул, может, и комично, а вот здание начало трясти, как при землетрясении, совсем не комично. Вдруг заходили ходуном перекрытия, начала крошиться штукатурка на потолке, натужно загудел арматурой каркас. От танцующего под ногами пола я завизжала, хотела во всю мочь заорать «бежии-и-и-им!», но все закончилось так же быстро, как и началось...

Меня прижимали к груди, смеялись и гладили по спине.

– Что это было?! – в голове еще пока ноль понимания, – нас все еще трясет или уже нет?

Бежать или стоять? Чему верить?

– Прости, я выпендрился.

У меня пульс под двести, в коленях вата, а в голове развалилась вся мебель. Даже голос осип от ужаса.

– Начал разрушать здание?

– Нет, на пару секунд перенес нас туда, где оно сейчас разрушается.

– Что-о-о-о?

Кажется, мне в это утро хватило их всех – и благодушного Дрейка, и его «верхнего» отряда.

– С меня... хватит...

Аудиторию 6С2 я покидала с притаившейся на задворках сознания паникой – все ждала, что сейчас тряхнет еще раз. По коридору шла на полусогнутых ногах и быстрым шагом, после спуска на лифте с «Вертером» даже не попрощалась.

* * *

Кайд.

(Johan Skugge & Jukka Rintamaki – Battlefield 3 Main Theme)

Он так и не понял, зачем Дрейк на следующие десять дней официально снял троих «верхних» с основной работы, но в последующие несколько часов был вынужден управляться с нарушителями в одиночку. «Ментальные» криминалы – ладно, их Дварт щелкал по носу, не сдвигаясь с места, мысленно. К тому же они – малочисленная каста. Кто-то решил вторгнуться в поле соседа без разрешения, кто-то использовал «кодовые» слова Уровней не по назначению, кто-то пытался считать то, что не разрешено. Блокировать их легко – все равно, что душить всплески активности невидимой рукой. Почти как в компьютерной игре.

С «физиками» сложнее – к ним приходилось перемещаться. Его никогда не учили ставить порталы – он еще с пребывания в родном мире умел сам. Чувствовал ткань бытия, налаживал в ней проходы, соединял их коридорами. Да, не так, как это делали Комиссионеры, но Дрейк не запрещал. Кайд этим пользовался.

За последний только час он оббегал четыре верхних уровня – предотвратил одно убийство, не позволил взять в заложники десяток горожан. На двадцать втором пятерых нашел мертвыми – доставил виновного Комиссионерам; одного «деактивировал» сам – стер на месте,

вышвырнул прочь. Метался невидимой тенью, орудовал смертоносной рукой. Не устал, но заскучал от монотонности, потому что хотел заняться другим.

И вот, наконец, к трем был дома. Поел, заварил себе кофе; полил два цветка.

Сел в кресло, еще раз мысленно отследил активность пространства – пока спокойно. Можно подумать о своем.

(Sleeping At Last – Algeria)

Эра... Он вспоминал ее энергию и погружался в ощущение бархатной невесомости, нежности, удивительной мягкости.

Они будут сближаться медленно – так он решил. Потому что торопливость – признак беспокойства, а он не беспокоился, знал, что они полностью соединятся. И пусть процесс течет медленно и без лишних слов – так интереснее. Легкие пути требуются тому, кто не сумел оценить красоту бытия любой из ситуаций, кто не различает уникальность полутонов. Кайд их различал отлично.

Он не будет говорить ей лишнего, хоть она ждет. Он будет показывать и делать. Позволять ей ощущать все больше, все яснее и глубже. Слова – удел людей, забывших о том, как общаться, не открывая рта. У Эры развиты сенсоры, ей придется улавливать важное молча.

Ее полное доверие – вот чего он теперь хотел. Безоговорочное, добровольное. Да, оно придет не сразу, через страх и первоначальное сопротивление, но придет. Сегодня он еще раз внимательно пересмотрит воспоминания, которые выудил тогда из ее головы, соткет еще один сложный проход, сделает ей первый подарок.

При мысли об этом Кайд улыбался. После будет пить ее эмоции каждой клеткой, будет дышать ими. Когда-нибудь они вместе будут открывать для себя новое ощущение за ощущением, любоваться их гранями.

Кружка в его ладонях постепенно остывала; кофе Дварт заварил крепкий.

«Придется только сегодня что-то сделать с Уровнями». Скорее всего, он ненадолго нарушит Комиссионный закон, накинёт на верхние уровни сеть страха – тонкую и почти невесомую. Под ее воздействием никто не решится творить криминал. Дрейк, конечно, учует, будет против – «свобода воли» и все такое... Скорее всего, даже сделает выговор. Но вечер Кайду нужен свободный.

Дрейк, Дрейк... Всевидящее око, изумительная метаморфная система с видом «под чело века», идеальная завершенная галактика, безграничная сила. То, насколько тонко он управлялся с собственным могуществом, восхищало: всегда филигранно, всегда до нанометра точно, ни левее, ни правее – в яблочко.

А его женщина – человек. Правда, очень необычный: частично состоящий из «себя», частично из света атомарного пространства без искажений (где она его приобрела?), частично из энергии самого Дрейка. Очень любопытно. Если бы она сегодня не проявила внимание, Дварту было бы запрещено сканирование, а так он успел. После ее «касания» моментально провел инспекцию, неглубоко проник внутрь, увидел, что хотел – то, каким образом человек легко взаимодействует с полным «не человеком».

С Эрой собирался теперь сделать то же самое – он будет постепенно (очень и очень медленно) напитывать ее собой. Чтобы происходил безболезненный или почти безболезненный процесс адаптации. Она выдержит. Будет, правда, сопротивляться, именно поэтому ему так важно уловить ее «да». До всех обещаний, до любых пояснений и уверений. Пусть она еще слишком «человек», но уже должна понимать, что слова легко подменить, что они пусты, как фантики из под конфет, набитые воздухом. Эмоции же подменить невозможно.

Сегодня случится первый шаг.

И он лично откроет головы всем, кто будет ему мешать.

* * *

Бернарда. Нордейл.

(Heartfelt Recess I-I Am Waiting For You Last Summer)

Четыре пополудни; я сидела на крыше. Как когда-то давно... Смотрела, как Нордейл заметает снег, как порошит улицы метель. Все белое с темными проплешинами и полутонами серого – зима редко разбавляется другими цветами. Разве что зелеными от хвойных, но их в районе многоэтажки, наверху которой я находилась, мало. Куртка теплая; ноги с карниза вниз. Если упаду, то только на балкон этажом ниже – не страшно.

Да и вообще не до страха – царила внутри после сегодняшнего утра грусть. Понятное дело, что Дрейк не хотел меня намеренно пугать, но испугал, и я повела себя, как полный трус. Забыла все – собственное имя, о том, что хотела зайти в Лабораторию, и даже тот факт, что умею телепортироваться. Потому что Реактор для меня всегда являлся самым стабильным зданием во всех мирах – его попросту не могло трясти.

Выпендрился...

Конечно, позже я отошла и вернулась, заказала Маку документы, которые пообещали сделать к пяти, а вот чувство обиды, как у ребенка, осталось. Глупое, неуместное, совсем не взрослое, но раз пришло – куда денешь? И я спряталась здесь на крыше, где пусто и тихо, где между антеннами ветер, где тучи так близко, хоть трогай рукой.

Все наладится, я оттаю, горечь растворится – вечер пройдет хорошо. Дурацкая шутка однажды не вспомнится или вспомнится не так – легко, светло. Но я не настолько мудра, чтобы сразу...

Но вдруг он пришел.

Дрейк.

Я всегда улавливала его присутствие рядом – уловила и теперь, несмотря на ветер, снег.

Бросил дела, почувствовал неладное, и теперь стоял какое-то время за спиной, затем позвал негромко:

– Ди...

Я повернулась. Не сразу, через паузу. Свесила ноги уже с этой стороны парапета, взглянула с упреком.

– А если я возьму и напугаю тебя так же, как ты меня сегодня? Просто так?

В отместку.

Великого и Ужасного мало чем можно напугать – наверное, только тем, что со мной вдруг что-нибудь случится.

Он шагнул вперед – скрипнул под подошвами легких туфель снег, – опустился на корточки. В волосах снег, на плечах поверх серебристой формы тоже. Смотрел долго, глубоко. И сквозила во взгляде непривычная печаль.

– Прости.

Он совсем не должен извиняться, не за что. Ведь не хотел обижать, хотел просто пошутить. Это я как ребенок... А что поделать?

– Юмор – сложная вещь, – произнес тихо, – ему долго учатся. Где один рассмеется, другой обидится, где один обидится – другой рассмеется. Я не хотел пугать.

Я это знала.

Он не мерз на ветру, но я все равно зачем-то убирала со щек и ушей талый снег – воду. А глаза родные, глубокие.

«Ты пришел сюда, чтобы поговорить со мной?»

«Чтобы поговорить...»

«Отложил важные дела?»

«Нет дел важнее тебя».

– А если я... вот так, понимаешь?

– Не вздумай. У меня чувства юмора еще меньше, чем у всех. Разрушу половину вселенной, прежде чем начну разбираться в причинах. Понимаешь?

«Веришь?»

Верю – он сотрет. И с юмором у этого странного мужчины всегда был напряг, но он учился. Подумаешь, не рассчитал сегодня, переборщил, делов-то. Зато теперь пришел.

– Просто я думала, что Реактор... Стабилен, понимаешь? И стыдно, что сбежала как трус.

– Ты не трус. – Мне было невыразимо приятно оттого, что он, забыв про обязанности, про правление миром, просто сидел рядом. Нашел на этой самой крыше, не стал искать теплую одежду, вышел... Это напомнило что-то из далекой юности, когда грелись в подъезде на батареях друг о друга, и комфорт не важен – важно, что вместе. – Землетрясение вызвало бы панику у любого человека. Любого. Я забыл...

– ...что я человек?

«Чуть-чуть...»

– Что ты не помнишь, что ни у одной Игры нет конца – всегда есть продолжение.

– Мне это еще постигать и постигать.

Теперь я гладила его по волосам. Как хорошо вдруг становится там, где ты оказываешься «вдвоем», и совсем не важно, что метель.

– Как я могу исправить свой... проступок?

«Родной ты мой, не было проступка, и ты это знаешь. И исправлять ничего не нужно». Но ведь такой повод осуществить задуманное утром!

– Исполни три моих желания.

– Диктуй.

Я прикидывалась хмурой Королевой, он – холопом.

– Первое – сделай так, чтобы на Новый год на Уровнях опять танцевал снег.

– Хорошо.

Он действительно танцевал в прошлом году – кружил местами вальс, хороводы, сгущался в маленькие волшебные фигуры и веселился – народ на улице наблюдал часами. Очень хотелось повторения.

– Второе?

– Закажи грузовик с мишурой.

– Куда доставить?

– В Реактор. Укрась уже эти унылые коридоры и кабинеты.

Он смеялся одними глазами. Вид сохранял торжественный и серьезный.

– Третье?

Мне было невыразимо тепло оттого, что я могу сейчас продиктовать и третье, и трехсотое, и трехтысячное – и он все запомнит, все исполнит. Не потому, что заглаживает вину, не чтобы убедить в любви, а потому, что бесконечно сильно любит сам. И как же прекрасно иметь счастье чувствовать себя рядом со своим мужчиной ребенком. Да, иногда надутым и капризным. А после вновь превращаться в счастливую женщину. И очень любопытную.

– Расскажи, как на самом деле выглядит Ллен?

Брови вверх от удивления.

– И не тряси этот дом от ревности! Мне правда интересно!

Улыбка Дрейка – это как радуга среди снегов – явление редкое и чудесное. Хвала Создателю, что редкое не для меня.

– Ллен? Давай я тебе когда-нибудь покажу. Тихо и незаметно для него.

– Давай! – Так даже интереснее, чем описывать.

Мы долго смотрели друг на друга молча; он обнимал мои колени, я аккуратно стряхивала с промокших волос снежинки. И были только глаза напротив и эта самая уютная в мире вьюга.

«Как хорошо, что ты есть».

«Я буду для тебя всегда».

«А я для тебя».

«И помни, что чувства юмора у меня нет».

«Я не буду пугать».

– А Реактор украшать помогать будешь?

Спросил вслух.

– Нет уж, сам! – я хохотнула. – Хочу войти в следующий раз и удивиться!

Ненужной стала вдруг крыша и одиночество, захотелось в тепло и к людям. И еще выпить чего-нибудь горячего.

– Хочешь, я отнесу тебя отсюда на руках?

Заботливый, внимательный, галантный и нежный до бесконечности.

– Хочу. – Сегодня я, как ребенок, хотела всего. – На руки и сразу в какую-нибудь кофейню, ладно?

– Как пожелает моя прекрасная леди.

* * *

Эра. Нордейл.

(Paul Cardall – Father in Heaven)

Я не подозревала, как сильно соскучилась по ним – своим клиентам, пока под вечер в дверь не позвонила молодая, но очень усталая женщина. Судя по форме, почтальонша. Нет, она не прочитала рекламу в газете, но заприметила щит-стрелку у забора, указывающую на агентство. Теперь стояла в дверях; с разношенных пимов на новый коврик стекала вода, на плече громоздкая сумка; в глазах растерянность.

– А вы... правда, помогаете?

– Правда.

Боже, как же легко и приятно встречать людей не в теле Айрины, а в собственном.

– Дорого берете?

– Нет, не дорого.

С нее много не возьмешь. Собственно, к разряду «нуждающихся» после выплаченных Комиссией бонусов я не относилась.

Гостя же сомневалась в собственном решении, все искала взглядом не то чучело сов, не то магический шар на столе – не нашла, расслабилась.

– Наверное, я дурочка, да? Но скоро праздник, понимаете, всем хочется чуда. И мне. Хотя, говорят, за чудеса надо платить... Вот не знаю, правильно сделала или нет...

– Вы проходите.

Ей было жарко в неудобном тулупе, с тяжелой сумкой.

– Хотите чаю или кофе?

Этой женщине, на вид чуть за тридцать, давно никто ничего не предлагал. И она стеснялась.

– Кофе... можно, правда? Это... как в дорогих отелях.

«ОтелЯх» – вот, как она это произнесла.

Шагая к кухне, я улыбалась.

– Работу бы мне другую, только как?

Ее звали Натали. Спутанные выующиеся русые волосы, лицо малоприметное, нижняя губа вперед.

– Начальство все строже ругается – раньше хоть посылки можно было без документов брать, разносить, деньги за это получать дополнительные, а теперь опись, строго. И зарплата все меньше. Ну как быть?

Она напоминала мне не клиентку, а залетевшую в гости бесхитростную подружку, которой куда важнее было поговорить, нежели что-либо изменить в собственной жизни. На диван для клиентов она, забывшись, забралась с ногами, чашку держала двумя руками, пришвыркивала, когда отпивала кофе. И смотрела все время мимо. Глаза стеклянные, почти пустые, как у загнанной лошади, а в голове ноль целых ноль десятых процентов веры в улучшение. И все же почему-то зашла. Значит, не все потеряно.

– ... еще новеньких двух взяли операторами, очереди выросли в три раза. Мне выходить, а они орут – помогай! Какой помогай? Как помогать, если газеты тоннами в подсобке ждут? В каждый ящик положить, это же время...

Начало седьмого вечера – за окнами стемнело, снегопад. Такой нежный, такой воздушный, что хотелось выйти и стоять под фонарем, пока не защиплет нос, пока не занует от запрокинутой головы шея. Ловить снежинки языком, варежками, разглядывать их на рукаве. Хотелось просто прогуляться...

«Уйдет – прогуляюсь».

Натали плакалась мне, как пастору: на то, что устают ноги, что часто не ценят, что взваливают все больше, а ей уже неважно...

Как такой помочь? Залезть в голову, успокоить? Не поможет. Излишне много ограничивающих убеждений, стойких, как сосульки в морозы. «Никто не говорил, что будет легко», «без работы – еще хуже!», «а кому сейчас просто?» – бесполезно. Такие формируются годами.

– А какую работу вы бы хотели? – перебила я ее в какой-то момент.

– Какую? Ну, не такую, как сейчас... Чтобы не дергали по пустякам, чтобы не...

«Не-не-не». Когда желаете перевернуть реальность с той, которую не хотите, на ту, которую хотите, не используйте негативные высказывания. И с «не хочу, чтобы» полностью переключитесь на «я хочу, чтобы...»

И понимайте разницу между фразами: «хочу свободу *от...*» и «хочу свободу *для...*». Обе работают безотказно, но вторая вершит вам на пользу и в удовольствие.

– Чтобы не урезали зарплату, – неслоь параллельно моим думам, – чтобы не гнобили за внешний вид...

– В общем, хотите зарплату выше?

Натали моргнула. Пауза – мол, я же так и сказала? Нет, милочка, ты сказала не так.

– Да.

– И коллектив, который бы вас ценил и уважал?

– Ага.

Ей постепенно делалось теплее – внимание переключалось от неказистого помещения, в котором царили сквозняки и раздор, на комнату, полную взаимопонимания, поддержки, улыбок и радости.

– Чтобы график стал более гибким? – это вместо «уже не могу работать по двадцать четыре часа в сутки».

– А кто не хочет?

Я спокойно перебирала варианты:

– Идем дальше. Желаете работать в помещении или с возможностью прогулок по городу, как сейчас?

– С прогулками.

Она начинала скрипеть шестернями. Вот так потихоньку каждый становится творцом, когда начинает рисовать новые светлые картины в собственной голове.

– Отлично.

– Но только в дневное время.

– Пусть так.

– И чтобы... хватало на подарки, да? Ну... после того, как купишь еду...

А она молодец. Уловила «разворот».

– Так и случится, – отозвалась я мягко, – через два-три дня вам предложат именно то, что вы хотите.

– Правда?!

Имелось у моей гостии в качестве плюса одно замечательное качество – она допускала мысль о том, что чудеса возможны. Действительно допускала. И я в этот предновогодний период собиралась помочь ей его ощутить. Как? Придумаю чуть позже – время есть, желание тоже.

Не успела я ничего добавить, как пропищал полученным текстовым сообщением телефон:

«Приду в семь. Ничего не планируй. К.»

Я зависла.

Время половина седьмого – раньше предупредить не мог? С утра, например? И вообще, что за привычка так ультимативно? Я бы соврала, если бы сказала, что испытала исключительно возмущение. Нет, восхищение тоже, потому что настойчивым и уверенным в себе мужчиной не восхищаться невозможно. *Особенно, когда его любишь*. Плюс, я просто по нему соскучилась и после прошлой ночи понимала, что переделать его все равно не получится.

Отвечать не стала тоже – ему и не требовалось. Но пришлось поторопить к выходу клиентку.

– Скорее всего, не завтра, но через два-три дня, помните.

Говорила я уже у дверей.

– Я помню!

Она мне не верила. Ей хватило того, что выговорились, что не прогнали.

– Сколько я вам должна?

– Тридцать пять долларов.

– О-о-о... – прозвучало неопределенно, но довольно. Мол, не помогли, но и не разорилась – уже праздник. Купюры мне протянули мятые.

– Спасибо вам. За кофе.

С сумкой на плече Натали моментально стала «старой доброй» почтальоншей – забыла про планы что-то менять, «успеть бы письма разнести», вынеслась под небо, не замечая снегопада.

А я, не закрывая дверь, какое-то время стояла, глядя на присыпанную белоснежным блестящим порошком, подъездную дорожку.

Интересно, что сегодня скажет Кайд?

Предложит поесть пасту? *Соглашусь или отвечу ему, что у меня новый холодильник?*

До его прихода пятнадцать минут – успею выдохнуть и очистить голову.

* * *

(Phil Rey – See you on the other side)

Это был первый раз на моей памяти, когда Кайд куда-то спешил.

Бодро поднялся в гостиную по лестнице, не поздоровался, сразу бросил из-за спины – пойдём!

И мы пошли в зимний сад к Порталу. Думала, шагнем в него, но нет – «сосед» меня остановил. Придирчиво осмотрел место слева через проход, принялся вдруг кропотливо создавать из небытия новую дверь; я впервые наблюдала этот процесс с самого начала.

«Куда? Зачем?»

Выглядел он при этом собранным, непривычно жестким, донельзя «занятым» – мне же нравилось его рассматривать. Обычно Кайд держал на крючке взглядом, потому что смотрел мне в глаза, но сегодня выпал шанс полюбоваться им со стороны. Мощь, облеченная в красивое совершенное тело, чуть хмурые брови, притягательный профиль. Безудержно хотелось приблизиться еще, вдохнуть запах кожи... Я себя сдержала. Не время и не место, но Дварт напоминал магнит для безвольных мошек, одной из которых мне хотелось сейчас стать.

– Обуйся во что-нибудь без каблучков, – скомандовали мне, когда рябящее пространство воздуха сооткалось в осязаемый прямоугольник.

Обуйся? А одеваться не нужно, мы не на улицу?

Ладно, сейчас узнаю. В коридорном шкафу отыскала светлые теннисные туфли, вернулась, успела подумать о том, что для зимы на мне слишком легкие штаны и туника.

– Идем.

Мне протянули руку – я не торопилась ее касаться. Помнила, как сильно меня обожгло тогда, когда взялась за нее в последний раз в родном мире.

– Перетерпи. Это того стоит.

Он закрыл все щиты – я чувствовала.

Ладно, может, в этот раз не «долбанет»?

Больно почти не было, скорее электрическая дуга по телу – неприятно, но терпимо. К тому же отпустил он сразу, стоило нам оказаться... в ином измерении.

А как еще назвать столь разительную смену пейзажа, простора, освещения и климата? Была чуть влажная от разбрызгивателей комната – тесная и довольно маленькая, а теперь ни одной стены до самого горизонта, потому что перед нами... океан. Песчаная коса, влажный соленый бриз, бескрайнее, разрисованное закатными всполохами, небо. Лето.

(Paul Cardall – Father in Heaven)

Мы пришли на берег? Для чего?

Другой уровень?

Будь это подобием свидания, Кайд бы не торопился, но сейчас он выглядел настороженным, заставил меня посмотреть на часы.

– У тебя есть час. Не больше. На установку межмировых порталов требуется разрешение, но за пятьдесят минут они не придут – я отчитаюсь.

– Кто?

Его напряжение передалось мне.

– Комиссионеры.

«Межмировых?»

– Где мы?

Он не ответил. Пояснил другое:

– Вернешься сюда же, дверь будет здесь, никто другой ее не увидит.

– А ты?

Спросила зачем-то, слушая, как шумит совсем рядом прибой – непривычно после зимы слушать шуршание накатывающих на песок волн. И что «ты»? Что именно хотела этим вопросом прояснить?

– Вернись вовремя. – *«Иначе подставишь меня»*. – А теперь иди. Тебе туда.

И мне указали в сторону вползшего на побережье и отгородившего эту часть живой стеной от посторонних глаз тропического дерева.

Я не понимала, где я и зачем мне идти «туда». Но пошла.

А через минуту показался вдалеке дом, который я никогда не видела с этой стороны.

Дом... отца и матери.

Я на Литайе.

Меня «обрушило» прямо на песок коленями, ворвалось внутрь ощущение свершившегося. Волны, соленый воздух – мой родной мир. Тепло, потому что это Сантафия – восточный берег Эргерского моря. Потому что эти ракушки – мои ракушки, потому что под этим песком – глубоко-глубоко – скрыт огромный кристалл Литаниума.

Дома.

Я плакала, как маленькая девчонка, и сама не знала почему – то ли от горя, то ли от счастья, то ли от обиды, что все это не происходило так долго. А после поднялась, наспех отряхнула колени и побежала. У меня пятьдесят минут.

На веранде, кажется, фигура, нет, даже две...

– Мама-а-а, – орала я, как в детстве, – маа-а-ам-а-а-а!

«Это я-я-я!»

А вслед мне невидимый тягучий взгляд – непривычно ласковый и недолгий.

– Как так можно было! Ну как?! – отец ругался по-настоящему. Но выглядел не злым, а держался за сердце. – Она билеты собиралась покупать к тебе, все нервы мне извела. Ну, хоть позвонить можно было?

А я обнимала мать так крепко, как только могла. Она плакала не слышно – вздрагивали плечи. Деревянный пол внешней веранды залит розовым светом; качались в кадках цветы.

– Мама...

Она не могла даже ответить. Лишь отец, как заведенный, все ворчал, что так не делается, что так можно раньше времени в гроб, что «телефон ведь никто не отменял»... и выглядел очень обиженным. Сам как ребенок.

– Папа...

И прятал глаза, когда следом я обняла его.

– Дочь, не делай так больше.

– Ты прости... Вы простите, что я так долго не звонила. И еще за то... (сложно это говорить), что у меня всего пятьдесят минут. Я проездом.

Стол внутри накрыли наспех, снесли на него все, что есть – чай, вазочки с печеньем, шоколад, остатки утреннего пирога. Суестились, что не успеют, а потому выспрашивали главное – жива, здорова? Почему не писала, нашла кого-то? По глазам видели – нашла. «Не болеешь, денег хватает? Когда приедешь снова?»

Потихоньку отпускало маму, отлегло на сердце у отца: «Вернулась, живая». Все остальное можно было пережить, забыть и простить. Собственно, они и не сердились, но волновались сильно. Больше года – это как же...

А я сидела в просторном зале за столом напротив широкого окна, откуда открывался удивительный вид на безбрежный водный простор, и не знала, что запоминать. Как пахнет эта комната? Морщинки вокруг глаз мамы, ее улыбку? Поседевшую шевелюру и бороду отца?

Шум волн, запах корицы от пирога, ощущение того, что где-то за спиной в одной из спален спрятана шкатулка с моими детскими вещами?

Литайя. Кайд привел меня на Литайю – просто пришел, взял за руку и отвел в проход.

Я, как ребенок, которого впервые привели в магазин сладостей, буду судорожно пытаться запомнить и утащить с собой в памяти все, что увидела, хоть на деле не смогу впитать и десяти процентов запахов. Буду корить себя потом за это – что не рассмотрела все спокойно, не позволила атмосфере проникнуть в кожу, слишком волновалась.

И пусть. Унесу, сколько смогу.

Я здесь... Полчаса до «выхода».

У них все хорошо, пенсию назначили достойную – не зря потратили годы на преподавание; сестра приезжает часто, а с ней племянники и племянницы – тогда в доме шумно. Но места, хвала Агнессе, много, а уж шум моря под окнами и вовсе круглосуточная благодать. Что? Нет, купаются не часто, сейчас не сезон, а вот гуляют по побережью каждый вечер.

– ...такие рестораны здесь, такие улочки красивые... Ты приедешь в следующий раз, сходишь с нами?

– Конечно, схожу.

Они радовались. А внутри меня все дрожало от хрустальной благодарности – самые ценные пятьдесят минут.

И я впервые здесь после собственной смерти. Где-то далеко отсюда так и живет Рори, ищет, наверное, других Мен – выслуживает погоны. Сволочь. Но не буду о нем, на плохое настроение нет ни времени, ни желания.

– Недавно построили музей морских животных и рыб, мы ходили на открытие...

Они рассказывали, что вспоминалось и приходило на ум; я же смотрела на забытую на кресле открытую книгу, которую в обед читала мама, потертый футляр от очков отца, висящую на стене картину-пейзаж, которую раньше никогда не видела.

Он много для меня сделал. Кайд. Сам не знал, насколько.

Отчаянно сильно хотелось задержаться, провести здесь ночь и следующее утро. Даже неделю.

Когда-нибудь.

– Мне пора.

Их речь как обрубило. И теперь мой образ впитывали они – уже более спокойные, ослабленные. Завтра займутся своими делами мирно, без дергающей внутри иглы – мысли о срочной покупке билетов в столицу.

– Я приеду, как только смогу.

– А звонить? – маме очень хотелось хоть иногда разговаривать.

– Я... что-нибудь придумаю.

« Попрошу Бернарду, упаду в ноги Кайду... »

Мне просто здорово знать, что у них все хорошо. Дальше придумаю, как быть.

– Я побежала. Меня... ждут.

Обнимали меня долго. Отпускали неохотно; кричали над берегом чайки.

(Sleeping at last – Already Gone)

Почему я думала, что он сидит там – на песке возле двери?

Кайда не было – ушел.

И бежать больше не имело смысла – запинаться, нестись, чтобы не опоздать. В запасе еще шесть минут, я успела. Никого не подвела, запихнула в собственную память, как в трюм корабля, столько «добра», сколько сумела. Позволила себе одну долгую минуту любоваться

прогорающим закатом, удивительным свежим воздухом, отсутствием снега. Смотрела, как кружат над волнами птицы, как полыхает раскрашенное розовыми и оранжевыми полосами небо.

Один из самых счастливых моментов жизни – такой останется со мной до конца. Не потускнеет, не потеряет важность, за десятки лет не выцветет.

Все, три минуты... Пора.

В портал, неспособная оторвать взгляд от Литайи, я шагнула спиной.

Вновь тихая стеклянная комната – зимний сад. И всего одна оставшаяся дверь. Кайда в моей квартире нет, его присутствие я бы почувствовала сквозь стены.

Ушел.

На теннисных туфлях песок – их теперь хотелось поставить на отдельную полку и иногда касаться, перетирать на подушечках пальцев воспоминания, как песчинки. Позволять врываться в голову шуму побережья, слушать размеренный крик сытых птиц. Запах родного дома, матери и отца.

За этот подарок я его поцелую. Если смогу.

Обувь я снимала аккуратно, как сапер. Понимала, что глупо пытаться что-то сохранить, но не могла отказать моменту в трепетности. Спрятала ее, как планировала, на отдельной полке. Теперь чайки изредка будут кричать из моего коридорного шкафа.

(Paolo Vivaldi – Last Love)

В квартиру на бульваре Аттика я шагнула босой – знала, что ступлю на ковер. Снова Уровни, Лоррейн, снег за окном.

Тот, кого я искала, стоял у спинки развернутого лицом к телевизору дивана, оперся на нее ягодицами, о чем-то думал. Лежали на бархатной ткани его ладони; плечи расслаблены, лицо спокойно. На мое появление Кайд отреагировал лишь взглядом – смотрел, как я приближаюсь, как встаю близко-близко.

А я впервые сократила между нами дистанцию настолько. До десятка сантиметров, до возможного близкого касания – хотела уловить запах. И уловила. Пахла парфюмом тонкая шерсть водолазки, пахла чрезвычайно сексуальной мужниной кожа на мощной шее – и я пропала. Стояла и балдела, как наркоман, вдыхала и не могла надышаться, понимала, что буду грезить о постели с Двартом всю оставшуюся жизнь. Но сегодня другой день, не такой, как все – сегодня мне все можно.

– Ты помнишь, – слышалось тихо как раз тогда, когда я раздумывала, можно ли коснуться губами щеки, – что я все еще многократно сильнее тебя?

Да, он же держит щиты на максимальных мощностях, чтобы меня не упаковало в стальную клетку прессом.

– Помню.

«Прости...»

И отступила на шаг.

«Боже, этим ароматом я буду дышать всю оставшуюся ночь».

И плевать, что все мои чувства на лице написаны.

– Я хотела... как-нибудь тебя отблагодарить. За подарок.

Кайд смотрел, и я путалась в его взгляде, как в лабиринте из вельветовых полотен. Вдруг поняла «как».

– Ты хотел слияния... Я готова. Сейчас.

«Согласна на полное, до самой глубины...» Ведь, если быть честной, оно приятно и мне.

А он все так же смотрел. Не оживился, как когда-то, не выдал заинтересованности, которой, похоже, не испытывал.

– Хотел.

Взгляд не расшифровать.

– Больше не хочешь?

Вопреки логике царапнуло. Сейчас я открыта, искренна и ранима – мягкая девчонка, которой просто хочется выразить спасибо.

Обидно, если не хочет – это придется пережить, как когда-то остальное. Просто захлопнется где-то в глубине еще одна дверь.

– Теперь я хочу от тебя другого, Эра.

«Не все потеряно?»

– Чего?

– Доверия.

Ответ меня не удивил даже, потряс. Это все равно, что за сорванный с клумбы цветок попросить вдруг душу.

– Доверия?

– Да. Полного. Безоговорочного.

Я ушам своим не верила.

– Зачем оно тебе?

«Тело, я еще понимаю...»

– Почувствуй сама.

– Не хочу, извини... Не буду. – Полное доверие, это когда падаешь в космос без страха, когда летишь и знаешь, что поймают, когда везде «мягкие борта». А меня в моем падении не поймают, я была уверена. – Ты прекрасно подделываешь любые чувства, я в них больше не верю.

Жаль, что не вышло отблагодарить по-человечески, что всплыло на поверхность нечто такое, чего я не могу... не готова дать.

Взгляд синих глаз напрягся, потяжелел. Кайд почти незаметно сжал челюсти – получил «отпихивание» в грудь, «обиделся».

– Спасибо тебе... еще раз.

Я развернулась и зашагала к проходу. Чертовски жаль было почему-то уходить. А позади шла откровенная борьба – я чувствовала ее каждой клеткой. Напрягшемуся Дварту хотелось применить силу. Догнать, остановить, уложить на лопатки, зажать запястья. И каким-то непостижимым образом втолковать мне, глупой девчонке, что-то важное. Щиты частично сорвало – меня повело так, что едва не подкосились колени; он держался. Я тоже.

Просто магнитное поле, которому невозможно не подчиняться. Главное, выйти из зоны действия...

Благодарность – да. Доверие – нет.

Потому что, когда проваливаешься в кого-то, есть шанс потерять себя. А этого мне не хотелось.

У самого полотна мерцающего воздуха двери мне вдруг стало ясно – он сдерживает себя, чтобы не причинить мне боли, чтобы не обидеть. А внутри лава; я помнила, как трудно ее сдерживать.

Вопреки всему разочарованию в таком окончании вечера, ощутила, что люблю его. Сильного, безудержного, сложного.

Просто не готова... отдать душу. Сделать то, что мне на самом деле больше всего хочется сделать и то, чего я больше всего боюсь.

Зачем обернулась перед уходом, не знаю.

Потемневший взгляд синих глаз шпилит. Однажды этот мужчина настигнет меня как шторм, запеленает в свои облака, свяжет руки и ноги, и тогда путь к свободе действительно только один – через доверие.

«Я убегу от тебя до этого. Или после. Тебе меня не получить».

«Найду в любом из миров».

«Отыщу способ».

«Нет».

«Да».

«Нет».

Он сломит любой из моих способов. Но я все равно отыщу путь к победе, даже если в конце.

Зачем тебе мое доверие – можно спросить еще раз?

Почувствуй – ответит снова.

И мы зайдем на круг.

– Спокойной ночи.

Меня в свои объятия принял влажный, пахнущий цветами и тугими зелеными листьями, зимний сад.

Глава 4

(Bruno Sanfilippo – Pianette)

Есть выражение – «бес попутал».

Меня этим утром попутал не бес, а предрассветный сон, в котором чудилось, что Портал на Литайю так и стоит в моем зимнем саду – мерцает у стены слева, переливается белесыми всполохами, зазывает внутрь.

Сну я поверила, как верят желанной правде: едва проснулась, сразу решила – сейчас схожу туда, только переобуюсь...

И вспомнила – закрыт. Он исчез с моим прибытием обратно.

Накрыла свинцовая грусть. *Когда теперь?*

Залитая утренним светом кухня – мирное помещение, прождавшее хозяйку всю ночь. Новый паркет под ногами не скрипел; послушно молотила зерна кофе-машина. Вскоре стояла на столе кружка с ароматным напитком – я грела об нее пальцы.

Вечером на балконе, глядя, как ложится поверх наметенных округлых сугробов свежий снег, я задавалась вопросом, что же на самом деле ощущает по отношению ко мне Кайд? Сначала послал подальше, затем передумал, вчера и вовсе пришел с подарком, заговорил о доверии. Что ему в конечном итоге нужно, как узнать? Что сделать, чтобы осязаемо проявились чужие чувства, чтобы стало понятно? Вопрос свой я, как обычно, отправила наверх, и отправилась спать.

И никогда бы не подумала, что сон об открытом Портале явится прямой перемычкой, мостом, ведущим к ответу.

И откуда взялась только под мерное покачивание сосновых веток идея попробовать?

«Попробовать восстановить проход».

Ненадолго, всего лишь на сутки. Поместить себя в ту линию реальности, где он все еще открыт.

«Это наказуемо».

Может быть. Но наказывает все равно Кайд. Нельзя? Так придет и щелкнет по носу, рыкнет в крайнем случае. Стушуюсь, кивну, скажу, что все поняла.

«Но если получится, я наведаюсь к своим еще раз. Пусть ненадолго, только на чай. Один раз...»

Интуиция моя волновалась, как штормовое море, а все равно желала попробовать. Казалось, все настолько свежо в памяти, что сейчас только закрою глаза, сдвину себя на микрон вбок по вибрации – никто не заметит. После толкну дверь в цветник, а там...

«Перемещением» себя из ветки в ветку я занималась, сидя на диване в гостиной. Глаза закрыты, дыхание ровное. Представляла, что дверь никогда не закрывалась, что для меня открыли ее насовсем. Уплотняла свою веру в это, проникала сквозь сопротивляющееся знание о том, что «было не так».

«Никто не знает, как все было на самом деле. Всё иллюзии».

Было так, как я скажу, как представлю теперь.

Портал внизу так и стоит, мерцает, зовет. Всегда там был. Всегда открыт...

Сделавшись сгустком легкой и чистой энергии сознания, я рассматривала его внутренними глазами – любовалась тем, что вскоре ожидала ощутить наяву. Уже почти могла потрогать, сместилась в убеждение «он там есть» на девяносто девять процентов...

И вдруг, выбив меня из процесса, внизу прозвенел дверной звонок.

Это был самый неудачный клиент в самое неудачное время из всех возможных.

И я собиралась ему отказать. Собственно, спускаться вообще не стоило, но хлестнуло через край раздражение, и, отвлекшей меня в самый ответственный момент «сволочи», я собиралась посмотреть в лицо.

Открыла дверь. Посмотрела.

И ощутила, как будто на моей шее, одновременно с защелкнувшимися на запястьях невидимыми наручниками, затянулась арканная петля.

(Future Heroes – Into The Darkness)

Я никогда не видела его раньше – высокого темноволосого гостя с очень въедливым взглядом, – но поняла моментально – «не клиент». Этот пришел не за помощью, а за мной. Внутри толкнул тугой аурой, вошел, закрыл за собой дверь. Представился.

– Отдел по борьбе с энергетическими правонарушениями.

И мне стало плохо. Накатила вдруг тошнота, слабость, принялись неметь руки.

«Коллега Кайда...» Черт, как можно было быть такой душой, не догадаться, что в своем отделе Дварт работает не один?!

Дышать почти невозможно – гость тошнотворно силен. Опасен, холоден и совершенно ко мне равнодушен. Я словно в центре черной, состоящей из тягучей наэлектризованной энергии, воронки, а рядом тот, кто в любую секунду поставит лапу на грудь и надавит. Ощущение капающей с клыков слюны, медленного дыхания и размеренного сердцебиения. Даром что на вид гость как человек – глаза зеленоватые и ясные, мышцы тела под одеждой рельефные, – внутри он переплетение ядовитых проводов.

Конец мне... дура...

– Пройдемте наверх.

Он хотел туда, где я творила «непотребство». Двигался по моей квартире так, будто смотрел не глазами, а шел за ощущениями. Принюхивался, улавливал малейшее изменение фонов, следовал к эпицентру. А меня тянуло следом, как привязанную.

Вот мы и у дивана. Тот, кто не представился, лишь на секунду дернул крыльями носа, и меня жестко припечатало к обивке, с которой я поднялась сразу после звонка. Встал напротив – неумолимый, как прототип древнего бога, – спросил, подразумевая, что будет вести монолог:

– Поговорим?

И я со всей мочи, чувствуя, как немеет сознание, мысленно заорала: «К-А-А-А-А-Й-Д!»

Проход, из которого вышел тот, кого я звала на помощь, открылся за моей спиной.

«Две секунды? Три?»

Дварт среагировал молниеносно.

И теперь один «титан» стоял напротив другого. Между ними я с невидимой петлей на шее, не позволяющей толком дышать.

– Кардо?

Вопрос к незнакомцу.

– Тоже рад тебя видеть, Кайд. Решил, вот, за завтраком просканировать пространство. И наткнулся на нарушителя. Занимайся своим, я разберусь.

«Раз уж пришел».

Тяжелая тишина в ответ. После выверенный по словам ответ:

– Этот объект находится полностью под моей юрисдикцией.

– Вот как?

Тот, кого называли Кардо, играючи проверил на прочность петлю, которую создал. Полюбовался ей секунду.

– Знаешь, что этот «объект» только что пытался сделать? Открыть несанкционированный проход между мирами.

Я вжалась в диван. На душе дерьмово, потому что сказанное – правда.

– Я разберусь.

– Но я уже здесь.

Взгляд незнакомца на меня внимательный, суровый – под ним, как под катком.

– Я сказал, что разберусь сам.

Со стороны Кайда неприязнь, как смесь арматуры и бетона.

Кардо словно не слышал. Обрушил внимание на меня:

– Итак, вы признаете, что пытались создать портал?

«Не создать, – хотела я пояснить. – Перевосстановить».

Но не смогла, потому что дышать аркан еще кое-как позволял, а вот говорить – совсем нет.

И только хрип из горла.

– Этот портал здесь вчера поставил я, – отрезали сзади.

«Интересно», – коллега Кайда теперь смотрел иначе. Заинтересованно, но очень холодно. «Пойдем, поговорим?» – пригласил взглядом, получил молчаливое согласие, и «титаны» отлучились в соседнее помещение.

А у меня как будто нет ног. Тело ледяное, сердце бьется кое-как, а внутри сокрушающее знание – *я его подставила*.

Кайд.

(Audiomachine – Redshift)

– Как интересно... – Макс смотрел, прищурившись. – Ты поставил здесь вчера портал между мирами?

– Я о нем отчитался.

И уже получил свой выговор.

– Молодец. Теперь я должен отчитаться о том, что его пытались восстановить.

«Делай, что считаешь нужным. И уходи».

Кардо уходить не спешил, размышлял, сопоставлял детали.

– А у нее, должно быть, неординарные способности, чтобы провернуть такой трюк, не находишь?

Дварт молчал. Лишь наливался гневом, как черный бутон, ощущение Максовой петли на шее Эры творило с ним странное – хотелось ударить. Удар будет настолько сильным, что дом, скорее всего, рухнет. А еще прицельным. Он чувствовал, как автоматически на фоне собирает мощь, концентрирует ее, призывает еще, еще, еще. Дрейк был прав – он нестабилен. Разум затапливал темный туман.

– Она моя, – сообщил Кайд ровно и на этот раз прямо.

– Вот как? А она об этом знает? Не заметил на ее пальце твоего кольца.

– Уходи.

– Сходить, что ли, померить ее мощь?

«Может, она будет интересна и мне...»

– Только через твой труп.

Сквозь поры Кардо начала проникать ненависть – собираемую Двартом мощь он чувствовал.

– Интересной дорогой идешь, Кайд. Покрываешь преступника, готов применить силу против коллеги. Что дальше?

«Узнаешь», – его глаза, наверное, больше не синие, а очень-очень темные с яркими искрами – предельный гнев, перетекший в абсолютное спокойствие.

– Ты. Меня. Удивил.

Процедил Макс, прежде чем уйти. А во взгляде так и завис вопрос: «Она действительно того стоит? И если да, то нужно к ней присмотреться...»

За последнее Кайд был готов открутить и голову, и яйца.

Коллега ушел. Не насовсем, временно.

Дварт с остервенением сбросил с шеи Эры чужую невидимую петлю.

* * *

Эра.

«Он сделал мне подарок», а я его подставила. И еще слышала две фразы: «Сходить, что ли, померить ее мощность?» и «Только через твой труп».

Через... твой... труп?

Кайд был не просто зол, предельно зол. Пришел по первому зову, защищал меня после того, что я натворила.

Мне редко было так муторно, как теперь. Он выгнал этого второго из моего дома, сдернул с меня аркан, принял одну часть удара на себя, вторую от Комиссии – примет позже.

Плохо на душе, стыдно.

«Сделал человек подарок».

Черт бы мой утренний сон и желание прояснить, как относится ко мне Кайд. Хорошо относится, наверное, лучше, чем я сегодня того заслуживаю.

Тому, кто вошел в комнату через минуту, я едва могла смотреть в глаза. Лицо жесткое, брови хмурые, черты укоризненные.

– Спасибо, – пробормотала, как смущенная школьница, которая сначала сама же поощряла хулиганов ее задирать, затем заорала: «Спасите!»

«Что ему будет?»

Хотел, наверное, как белый человек работать, теперь будет мотаться по инстанциям...

– Нельзя, – произнес одно слово.

«Нельзя было этого делать».

– Я знаю, прости...

Хотелось добавить, что больше не буду, что это была всего лишь минутная слабость, что я не думала о том, что придет тот, другой. Добавить можно было многое, но слова – просто слова. А мой позвоночник холодил морозный узор синих глаз.

Еще недавно в ответ на вопрос: «А ты умеешь быть простым?» – он отвечал: «Ты проверь».

Проверь.

Сейчас мне, как никогда, нужна была эта простота Кайда. Его умение прощать, его приятие, его человеческая мягкость... хотя бы чуть-чуть.

«Не отталкивай». Только как об этом сказать?

– Поужинай со мной вечером...

Не время и не место для такого предложения. И еще глупее прозвучало: «Я закажу нам пасту. С томатным соусом».

А между строк: «Просто побудь, не уходи, не злись».

Я впервые открывалась снова – приглашала, проявляла слабость.

Дварт открыл портал. Развернулся и ушел, не проронив ни слова.

Я же в полной мере ощутила всю глубину и смысл слова «бессилие».

* * *

Бернарда.

Земля. Ленинск.

(Paolo Vivaldi – Something About You)

Мак на Земле – никогда не привыкну к пересечению миров.

К «Березкам» мы шагали все по тому же бурому снегу-каше. Аллертон в темной куртке с воротником под горло, плотных джинсах, военных ботинках; изо рта пар. В кармане рубашки паспорт на имя Михаила Анатольевича Лаврова. Я за его размеренным шагом едва поспевала, волновалась, спотыкалась. В конце концов, Чейзер взял меня под локоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.